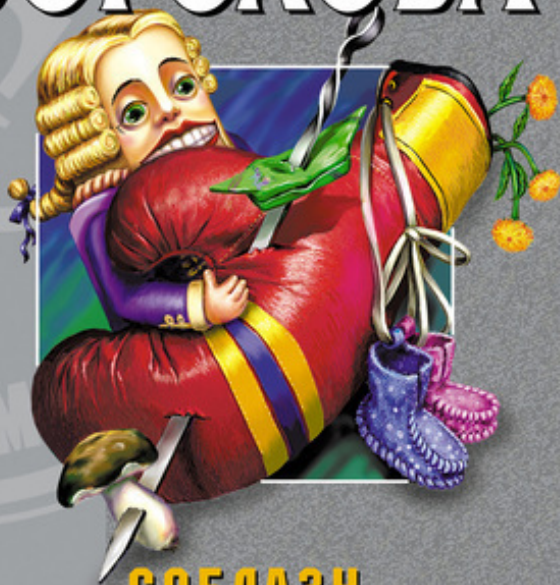

ДЕТЕКТИВ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ

НАТАЛЬЯ
БОРОХОВА

ЭКСМО

СОБЛАЗН
ДЛЯ
ЩЕЛКУНЧИКА

Наталья Евгеньевна Борохова

Соблазн для Щелкунчика

Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176060
Соблазн для Щелкунчика: Эксмо; М.; 2004
ISBN 5-699-05929-6*

Аннотация

Молодой адвокат Елизавета Дубровская прозябала в заштатной юридической консультации и только мечтала о громких делах и блистательных победах. В работе у Лизы был один иск – от старушки, увязшей в гудроне. Поэтому, когда к ней обратился директор преуспевающего охранного агентства Полич, девушка не могла поверить – неужели у нее наконец-то будет настоящее серьезное дело? Адвокат понадобился Поличу для сотрудника его агентства Сергея Петренко, обвиняемого в убийстве крупного бизнесмена. В том, что ее подзащитный виновен, никто не сомневается, и задача Лизы – добиться уменьшения срока. Но едва Дубровская начала знакомиться с делом, у нее появились сомнения в том, что убийца Сергей. Вот только чтобы доказать это, Лизе пришлось покинуть кабинет и примерить на себя роль частного детектива. Конечно, адвокат не обязан этого делать. Но это ее первое серьезное дело, и Лиза

обязана докопаться до правды любой ценой, ведь от этого зависит не только ее карьера, но и свобода человека...

Содержание

3 сентября 20... года (11 часов утра).	5
Тремя месяцами раньше...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Наталья Борохова

Соблазн для Щелкунчика

3 сентября 20...
года (11 часов утра).
Областной суд крупного
уральского города

Неяркое сентябрьское солнышко едва проникало сквозь неплотно прикрытые жалюзи в зал судебного заседания. Притихшие присутствующие на процессе застыли, стараясь не пропустить ни слова из оглашаемого судьей приговора. Усталая публика переминалась с ноги на ногу, терпеливо дожидаясь финала. Всех мучил один и тот же, вопрос: посадят или отпустят? Если посадят, то надолго ли?

Судья продолжала монотонно читать приговор, откладывая в сторону уже оглашенные страницы, и стопочка листов на столе все росла. Юридические термины, налезая друг на друга, формировали судебное решение. И как ни старались присутствующие в зале понять, куда клонит слепая Фемида, им это не удавалось. Самые сообразительные пытались отгадать суть окончательного вердикта по лицам служителей

правосудия. Но сделать это было не просто. Народные заседатели, почтенного возраста дедок и бабуля, явно томились и думали, похоже, только о чем-то своем. Изредка они с тоской поглядывали на медленно растущую стопочку прочитанных листов обвинительного заключения. Каменное лицо государственного обвинителя ничего не выражало. Защитники были взволнованы, но прочитать на их физиономиях что-то определенное было трудно. Самый молодой адвокат – привлекательная девушка с бледным лицом и невообразимой расцветки ярким шейным платком, записывала отдельные моменты приговора себе в блокнот. Она волновалась больше других. Ручка несколько раз выскользнула из ее дрожащих пальцев и падала на пол. Девушка украдкой подбирала ее, стараясь не привлечь к себе внимания. И все же эта ее суета попала в поле зрения председательствующей. Оторвавшись от чтения приговора, судья смирла не в меру впечатлительного адвоката ледяным взглядом, намереваясь сделать ей строгое внушение, но в последний момент передумала. Чтение приговора было продолжено несколько в более бодром темпе. Тележурналисты и публика слегка приободрились, получив маленькую надежду на то, что заключительная часть судебного решения уже не за горами...

«Господи, помоги! Ну смилуйся, ради всего святого. Ты знаешь, как будет выглядеть этот человек через двадцать три года? Сейчас ему двадцать пять. Значит, освободится он в сорок восемь. Казалось бы – всего ничего. Мужчины под

пятьдесят обычно еще довольно привлекательны... Да, но только не после тюрьмы. Худой, изможденный зэк, обозленный на весь белый свет, страдающий всеми мыслимыми болячками...»

Неизвестно, были ли услышаны слова молодого адвоката, но судья, потеряв терпение, поинтересовалась:

– Адвокат Дубровская! Как вы полагаете, чем мы тут занимаемся? – спокойный тон женщины явно не предвещал ничего хорошего. – Если вам плохо, покиньте зал.

Елизавета взяла себя в руки.

– Извините, ваша честь! Мне хорошо... – она запнулась, опасаясь, что сморозила глупость.

– Тогда мы, с вашего позволения, продолжим. Судебная коллегия приговорила...

По залу пронесся вздох.

«Мне плохо! Мне очень плохо! Господи, если бы можно было вернуть все назад, я бы ни за что на свете не кинулась очертя голову в это дело. Пусть бы Петренко защищал другой адвокат. Умный и опытный. А кто такая я? Без году неделя в адвокатуре, вчерашняя студентка (хотя и отличница), но неисправимая идеалистка, папенькина дочка и наивная дуреха!»

Память услужливо вернула Елизавету в тот памятный день, в самом конце мая, когда все только начиналось...

Тремя месяцами раньше...

Молодой адвокат Елизавета Дубровская с самого утра пребывала в подавленном настроении.

День не задался с самого начала. Будильник не прозвонил вовремя. Когда Лиза соскочила с постели, было уже без четверти девять, то есть до назначенной встречи с клиенткой оставалось что-то около двадцати минут. На беду Елизаветы, городские службы водоснабжения именно в это злосчастное утро проводили плановое отключение воды в их районе. Разумеется, об этом жильцов информировали заранее. Однако, что вполне в духе Елизаветы, она это «приятное предупреждение» пропустила мимо ушей. Конечно, если бы дома оставалась мама или заботливая няня Софья Илларионовна, они бы не стали жертвами обычной для любого россиянина ситуации. Но старшее поколение вот уже неделю находилось на даче. Младший брат Елизаветы путешествовал по Золотому кольцу, а она была предоставлена самой себе. Одиночество ничуть не тяготило молодого адвоката, напротив, оно имело массу плюсов. Но в тот момент, когда девушка почти безнадежно пыталась нацедить из чайника скудное количество воды, она уже засомневалась, столь ли уж обременительна родительская опека для двадцатичетырехлетней девицы.

Протирая заспанные глаза, Елизавета мысленно ругала се-

бя за несобранность. Если бы был жив отец, он непременно прочел бы ей нудную нотацию на тему той роли, которую играет внешний вид человека при завоевании профессиональных высот, да и в простом человеческом общении. Герман Дубровский был педантом, но при этом всегда оставался самым нежным, любящим и заботливым отцом и мужем. Он умер от сердечного приступа менее года назад, оставив семье неплохую материальную базу и престижную работу для Елизаветы. Одним словом, сделал все, чтобы и без него жизнь его обожаемых домочадцев не покатила вниз по наклонной плоскости. И все же семью, лишившуюся крепкой мужской опоры, поджидали нелегкие времена и даже совсем неожиданные испытания. Во-первых, Лизе почти сразу же вежливо отказали от места в самой престижной юридической фирме города. Взамен ей предложили адвокатскую практику в большой и бестолковой конторе, где о стабильном заработке приходилось только мечтать. Мать, в прошлом музыкант, а в настоящем – вдова богатого мужа, на несколько месяцев погрузилась в черную меланхолию. Младший брат Антон, почувствовав вольницу, стремительно съехал в школе на тройки, курил в подъезде, стал хамить всем по поводу и без него. В общем, семья крупного государственного чиновника в масштабах отдельно взятого федерального округа вступила в полосу адаптации к суровым условиям самостоятельной жизни.

Воспоминания об отце не способствовали улучшению

дурного настроения Елизаветы. Девушка наскоро привела в порядок волосы, чиркнула помадой по губам и, с грустью констатировав, что ее внешний вид далек от совершенства, вылетела из квартиры. По дороге на работу она со страхом пыталась вспомнить, не забыла ли выключить в спешке утюг. Но поворачивать назад было уже поздно. Ее престарелая клиентка, должно быть, уже терзала адвокатов вопросами, куда могла запропасться такая непунктуальная Елизавета Германовна.

Выскакивая из троллейбуса, Лиза зацепилась колготками за что-то острое, торчавшее из чьей-то грязной брезентовой сумки. «Наплевать!» – отчаянно подумала она, чувствуя, как предательская петля уже поползла вверх по ее лодыжке. Но на этом неприятности не закончились. Ворвавшись в помещение юридической консультации, Дубровская убедилась в том, что клиентка, из-за которой, собственно, и имел место весь утренний круговорот, еще не появлялась. А это означало, что Елизавета зря просидела за компьютером половину вчерашней ночи, составляя исковое заявление для бабули. К сожалению, это была довольно распространенная ситуация, когда клиент, не отважившись признаться, что не сможет оплатить услуги адвоката, просто не приходил в назначенный час.

Елизавета злилась, просматривая отпечатанные листы. Еще бы! Триста рублей гонорара для нее не были бы лишними: она с трудом привыкала к новой жизни и вынужденному

режиму строгой экономии. Ее любимый «Пежо» опять стоял без бензина, что рождало черные мысли о его возможной продаже. Кому сказать – не поверят! В сознании российских граждан, адвокаты лопатой гребут дармовые деньги. А она, Елизавета Дубровская, сидя в своей обшарпанной юридической консультации, соображает, что бы такое соорудить сегодня на ужин подешевле...

От невеселых мыслей и одновременного созерцания брочующейся мушиной парочки Елизавету отвлек энергичный голос заведующего Пружинина. Указывая в сторону Дубровской коротким толстым пальцем, он что-то говорил высокому статному мужчине. Посетитель кивнул головой и направился в ее сторону.

– Елизавета Германовна? – осведомился незнакомец. – Простите, что сваливаюсь, словно майский снег, на вашу голову, но умоляю, выслушайте меня.

Он одарил ее такой лучезарной улыбкой, что Дубровская невольно зарделась. Девушка в смущении засунула ноги подальше под стол, чтобы мужчина не заметил дыры на колготках. Незнакомцу было не меньше пятидесяти, но, глядя на него, Елизавете вдруг захотелось проверить, ровно ли у нее накрашены губы и не торчит ли темная челочка хохолком. Посетитель не был красавцем, однако обладал каким-то особым обаянием, которое привлекло бы даже самую замотанную домашними проблемами тетку. Что уж говорить о Ели-

завете! Широко открыв огромные карие глаза, она пыталась отгадать, что привело к ней этого привлекательного, галантного и, по всему видно, небедного мужчину.

– Я представляю, какой у вас, должно быть, плотный рабочий график, но надеюсь, что вы не откажете мне взять на себя защиту моего близкого товарища. Разумеется, гонорар – полностью на ваше усмотрение. Я заранее готов к любому вашему предложению.

Елизавета не верила своим ушам. Отказаться?! Интересно, что сказал бы этот человек, узнав, что у Елизаветы в ее «плотном графике» числилось единственное дело по иску бабуся, которая по собственной дури свалилась в гудрон.

– Вы имеете в виду защиту по уголовному делу? – осторожно поинтересовалась Дубровская, боясь спугнуть такую удачу и опасаясь, не путает ли мужчина ее с кем-нибудь из преуспевающих коллег...

– Давайте все по порядку. С вашего разрешения, я вам представлюсь. Виктор Павлович Полич...

Мужчина вытащил из барсетки визитку и передал ее Елизавете. На красном тисненном бланке, помимо имени-отчества, значилось: «Директор охранного предприятия „Му-ха“.» Он небрежно положил рядом ключи от автомобиля. «Вольво!» – наметанным глазом определила Лиза. Респектабельный внешний вид, манера поведения, уверенность в собственных силах – все подчеркивало надежный социальный статус потенциального клиента и совершенно сбивало

Елизавету с толку. Без сомнения, этот человек мог заручиться помощью любого адвоката с солидными связями и внушительным опытом.

Словно отвечая на ее вопрос, Полич пояснил:

– Видите ли, Елизавета Германовна. Я наслышан о вас как об очень работоспособном специалисте, с четкими моральными качествами. Не спорьте, прошу вас! – Он, видимо, принял округлившиеся глаза Дубровской и ее приоткрытый рот за желание скромно возразить.

Между тем Елизавета, просто потеряв дар речи, слушала, не пытаясь вставить ни слова.

– Сожалею, Елизавета Германовна, что дело, которое я вам предлагаю, вряд ли можно отнести к разряду перспективных. Но, понимаете ли, есть долг дружбы, долг чести, который я и пытаюсь выполнить. Двое моих знакомых попали в неприятную переделку. Им инкриминируют убийство известного в нашем городе бизнесмена Макарова. Не слышали? Вообще-то это преступление прогремело на всю область. Фигура, знаете ли, жертвы была не мелкого масштаба. Короче, вляпались ребята в историю. Вы уж простите за выражение... Дело молодое. Поссорились, поконфликтовали с покойником – и вот результат. Убийство!

– А доказательства есть? – нерешительно спросила Лиза.

– Улик, уважаемая Елизавета Германовна, – вагон и маленькая тележка. В том-то все и дело! Но вы не пугайтесь, я перед вами заоблачных целей ставить не буду. Сам понимаю,

на нет – и суда нет! Но вы уж не откажите, поучаствуйте. Может, вам удастся пару годков для ребят у суда отвоевать. В долгу не останусь. Поверьте!

Елизавета верила. В общем, она столкнулась с приятным случаем в практике каждого адвоката. Клиент – платежеспособен, даже более того. Но одновременно он реально смотрит на вещи и не требует от защитника невозможного. Чаще встречаются дела, когда адвокату приходится любой ценой оправдывать каждую потраченную на него клиентом копейку. Более того, частенько клиент полагает, что задача защитника в том только и состоит, чтобы наводить мосты с прокуратурой и судом, шушукаться с нужными людьми и потихонечку совать им купюры вознаграждения за их хлопоты. Бесспорно, так же считает и некоторая часть защитников, но, к счастью, не все адвокатское сообщество. Не то чтобы Елизавета Дубровская была истой и несгибаемой правдолюбкой, но она как-то с трудом представляла себя в недвусмысленной роли блюстителя закона, комкающего в потных ладошках заветный конвертик несправедливого вознаграждения.

В общем, сейчас все складывалось на редкость удачно. Взволнованный Полич с надеждой смотрел на нее, ожидая ответа. Чтобы не растерять остатки собственного достоинства и не разрушить образа, который добродушный клиент навязал ей без всякого ее участия, Дубровская для виду задумалась. Не могла же она брякнуть: «Да!», хотя язык ее уже просто чесался от нетерпения. Вытащив ежедневник, Елиза-

вета сосредоточенно изучала его, чтобы клиент ненароком не засек его пустые страницы, и почти без эмоций произнесла:

– Да. Пожалуй, у меня найдется время заняться вашей проблемой.

Лицо Виктора Павловича озарилось такой неподдельной благодарностью, что Лиза почувствовала слабый укол совести. Но голос желудка, подчас, бывает сильнее моральных угрызений, и Дубровская успокоила себя тем, что она, собственно, не навязывала своей помощи этому приятному во всех отношениях мужчине, а только сделала ему одолжение, о котором он сам ее просил.

– Извините, – напоследок решила она, – а кто вам порекомендовал меня?

– Семен Иосифович Грановский, – сообщил Полич. – Он, кстати, вел это дело на следствии и добился немалых успехов. Но обстоятельства складываются так, что Семен Иосифович сам не сможет участвовать в суде. Однако любезно согласился помочь мне в поисках достойной себе замены...

Остаток встречи прошел для Дубровской как в тумане, поскольку она, как ни старалась, не могла понять происходящей нелепицы. Грановский – самый лучший адвокат их города и области, а Елизавета Дубровская – его достойная замена! У любого мало-мальски сведущего в этих вопросах человека просто живот прихватило бы от смеха. Кроме всего прочего, у Семена Иосифовича с недавнего времени упо-

минание о Лизе Дубровской могло вызвать лишь обильный выброс желчи и желание сплюнуть. Но она о тех событиях старалась не вспоминать!

Соорудив наскоро что-то вроде легкого ужина, Елизавета старалась вместе с ним переварить и события этого, во всех отношениях, неоднозначного дня. Внутренний голос дотошно не давал ей насладиться столь редким предложением и востребованностью ее юридического таланта.

Итак, Семен Иосифович Грановский – великий адвокат всех времен и народов... Точнее, был таковым до недавнего времени, когда на его триумфальном пути встала молодая и настырная Елизавета. Пару месяцев назад был вынесен приговор членам преступной организации, возглавляемой бывшим депутатом Законодательного собрания области Александром Суворовым. Дело было очень громким. Шумиха вокруг него выплеснулась не только на отечественные экраны, но даже падкие до сенсаций американцы посвятили несколько репортажей криминальной революции в отдельно взятом российском городе. Если бы Александр Суворов родился в Америке, то имел бы все шансы стать легендой вроде Аль Капоне. Он был молод и удачлив. Его преступное сообщество занималось политической, экономической и шумной общественной деятельностью. Однако уголовное дело в отношении лидера и некоторых членов этого криминального синдиката, обещавшее поначалу стать грандиозным успе-

хом правоохранительных органов области, столкнувшись с серьезным противодействием преступного мира, начало хиреть и рушиться на глазах. Умелое сочетание адвокатского таланта Грановского и незаконных методов давления, подкупа и шантажа основных свидетелей обвинения плавно подвели дело к оправдательному приговору. И на этом можно было бы поставить точку, не вмешайся в этот процесс малоопытная и незаметная поначалу Елизавета. Выяснив, что выкрутившийся мерзавец Александр Суворов стал косвенным виновником преждевременной смерти ее отца, она, подобно ищейке, бросилась по следам криминального авторитета. Конечно, результаты ее поисков, несмотря на некоторую сенсационность, не смогли бы поколебать прочные позиции защиты. Но в дело вмешался случай...

Спонтанность и непредсказуемость действий молодого адвоката вкупе со столь серьезным союзником привели защиту, тонко выстроенную адвокатским гением Грановского, к полному краху. Пикантность ситуации состояла в том, что своей победой обвинение было обязано защитнику. Казалось, это был грандиозный скандал, в ходе которого Дубровскую должны были обвинить в нарушении адвокатской этики, прав клиента на защиту, вопиющем непрофессионализме. Но тщеславие государственного обвинителя, прикарманившего в последний момент всю славу, спасло Елизавету от неприятностей. Грановский так и не смог оправиться после провала перспективного во всех отношениях уголов-

ного дела, и его репутация серьезно пострадала. Поговаривали, что в последнее время он отошел от дел, частенько засиживался в барах, а во главе некогда знаменитой юридической фирмы «Законность» стал молодой и нахрапистый сыннок председателя одного из районных судов города.

Таким образом, положительно характеризовать адвоката Елизавету Дубровскую в настоящий момент могла разве что Генеральная прокуратура. Но что толкнуло Грановского на такой, с точки зрения здравого смысла, необъяснимый поступок, молодой, очаровательной Лизе было непонятно.

Между тем, как могло показаться на первый взгляд, Семёном Иосифовичем Грановским вовсе не руководило чувство мести. Он не держал зла на Елизавету. По правде сказать, ему казалось, что какие-либо чувства вообще покинули его. За исключением, пожалуй, острой жалости к самому себе.

Он пропускал с утра уже третью рюмочку «Хеннеси», в который уже раз прокручивая в голове одни и те же мысли. Было очевидно, что после поражения в деле Суворова жизнь его волшебным образом изменилась. Только волшебник, похоже, оказался злым. Из преуспевающего, довольного собой, оборотистого адвоката Семен Иосифович враз превратился в подобие его посредственных коллег. Была ли в этом виновата Елизавета Дубровская, однозначно он ответить не мог.

Грановский вспомнил, как эта девушка в сопровождении своего отца впервые перешагнула порог конторы «Закон-

ность». Какой она тогда казалась хрупкой и неуверенной. Это было особенно заметно на фоне Германа Дубровского, крупного чиновника, имевшего все шансы продолжить свою головокружительную карьеру в Москве. Семен Иосифович, словно сейчас, видел счастливое лицо Лизы, когда мужчины, коротко побеседовав, скрепили свою договоренность крепким рукопожатием и стаканчиком французского коньяка. Конечно, это были простые формальности. Вопрос о приеме дочери Дубровского в штат самой престижной юридической фирмы города был решен ими заранее. Кто бы мог тогда подумать, что уже через несколько часов после посещения Дубровским «Законности» этого сурового, деятельного человека не будет в живых.

Второй раз Елизавета появилась в фирме вскоре после похорон. Миниатюрная, съезжившаяся от горя, словно озябший воробышек, темноглазая, с белым лицом, она вызывала жалость. Но только не у Грановского. Не то чтобы он был совсем равнодушным к людскому горю, по-своему он даже жалел Елизавету, однако интересы его любимого детища – фирмы «Законность» – определял четко. Ушел в мир иной Дубровский – отпала необходимость держать у себя его дочь. Поэтому Семен Иосифович быстренько спихнул ее в одну из юридических консультаций, где некогда начинал сам.

И вот теперь, сидя в своем роскошном кабинете наедине с черными мыслями, Грановский многое переосмысливал. Возможно, в тот памятный день он выставил вон не Елиза-

вету, а захлопнул дверь за своей удачей. Иногда Грановский был суеверен.

Вот если бы тогда он поступил по-иному...

Если бы тогда не сваял дурака, эта девочка находилась бы у него под контролем и уж точно не участвовала бы в этом роковом процессе.

Грановский в сотый раз мысленно прикидывал варианты своих тогдашних действий. За этим занятием и застал его Полич. Отметив, как радостное возбуждение от встречи с великим адвокатом сменилось у гостя неким недоумением, Грановский испытал даже какое-то злорадное чувство. Семен Иосифович был навеселе и, когда бывший клиент начал интересоваться перспективами судебного следствия, ни с того ни с сего брякнул:

– Виктор Павлович! Я рекомендую вам Елизавету Дубровскую. Не смотрите, что она совсем молодая. Хватка у этой девицы, скажу вам честно, как... – тут Семен Иосифович запнулся, подбирая выражение, соответствовавшее его смешанным чувствам по отношению к Лизе, – как у бульдога. Знаете такую собачку?

Полич подозрительно быстро согласился на это предложение и, до крайности озадаченный, покинул адвокатское святилище.

Грановский смотрел ему вслед, ничуть не сожалея о том, что такое денежное дело уплывает из его рук. По правилам, он мог бы передать защиту одному из своих партнеров, но

не хотел этого делать.

«Подлые трусливые шакалы! Только почувствовали запах мертвечины, как тут же накинулись на старика Грановского со спины... Пусть лучше Лизка Дубровская подзаработает... Хотя, если разобраться, толку от нее в процессе не может быть никакого. Как пить дать, загубит все дело!»

Вопреки опасениям Полича, что это уголовное дело – безнадёжно, сама Дубровская была полна оптимизма. С присущей всем новичкам самонадеянностью она полагала, что сможет сотворить чудо.

«Полич, конечно, милый и благородный человек, – рассуждала она. – Но он не профессионал по части юриспруденции. Где ему знать, какие ловкие ходы может придумать защитник!» А то, что эти ходы она найдет, Лиза не сомневалась ни на минуту. Да и какие могли быть в этом сомнения! Она вывернется наизнанку, будет землю рыть, но добьется успеха. Да она в порошок сотрет... Впрочем, кого она собиралась превратить в пыль, Лиза пока не придумала. Вместо этого ее богатое воображение уже разворачивало перед ней приятные картинки будущего...

Вот ее подзащитного освобождают из-под стражи. Он бросается к Елизавете со словами признательности: «Вы – выдающийся адвокат. Вы вернули мне свободу. Буду благодарен вам до конца моей жизни».

А вот и его счастливая жена. Ее голос дрожит от слез: «Ес-

ли у нас родится девочка, мы обязательно ее назовем Лизой. В вашу честь!»

В сторонке стоит Полич: «А я и не сомневался в вашем успехе. Ведь вы волшебница, Елизавета Германовна!»

Журналисты окружают ее плотным кольцом. «Как вам это удалось, госпожа Дубровская?», «Вам пророчат великое будущее. Раскройте секрет вашего везения». Но тут все расступаются. Вперед выходит молодой мужчина, чем-то похожий на Джорджа Клуни. Он улыбается ей. В его руках – потрясающий букет. Он смотрит Лизе прямо в глаза и чарующим баритоном произносит...

– Вы, черт возьми, собираетесь мне помочь? Я что, на собственном горбу должна вам перетаскивать всю эту кучу? Ревматизм совсем замучил, а у вас ни стыда ни совести!

Лиза вздрогнула. Какой такой ревматизм может быть у Джорджа Клуни? И о какой, собственно, куче идет речь?

Толстая тетка, задыхаясь, плюхает перед Елизаветой на стол кипу пыльных томов уголовного дела. Да она же в областном суде! И до встречи со славой, а также и с мужчиной ее мечты, ее разделяет всего-то ничего – долгие месяцы судебного процесса. А это значит – кропотливый сбор материалов, бесконечные часы в библиотеке, ночные бдения над бумагами и... Хватит! Пора приниматься за дело. Уже через пятнадцать минут Елизавета полностью ушла в работу. С головой окунулась в протоколы допросов, очных ставок, экспертиз и рапортов. Она настойчиво искала пути к будущей

победе, искала отчаянно, будто на карту была поставлена ее собственная жизнь.

Результатом пятидневных усилий изучения вороха судебных бумаг, учебников уголовного права и кодексов стала более или менее стройная картина событий 30 августа 20... года, развернувшихся на берегу Кедрового озера...

Итак, в тот день ничем не примечательный предприниматель средней руки, некий Орест Бергер праздновал на территории яхт-клуба, что у озера Кедровое, свое сорокалетие. Приглашенных было что-то около тридцати человек. Все сплошь положительные и законопослушные граждане. В качестве почетного гостя семейка Бергеров ожидала Виталия Александровича Макарова, преуспевающего бизнесмена, общественного деятеля, известного мецената, в общем, человека во всех отношениях незаурядного.

Макаров почтил приятное общество своим присутствием, поздравил юбиляра и поспешил откланяться, так как его ожидали важные дела. Усевшись в собственный джип с верным охранником Агеевым, помахав провожавшим рукой, Макаров отбыл. Едва джип скрылся за поворотом и за ним улеглась дорожная пыль, воздух над Кедровым озером взорвали... нет, не удары грома, а автоматные очереди. Поспешившие на выстрелы гости увидели удручающую картину. Джип неуклюже замер у ворот, не успев покинуть территорию яхт-клуба. Агеев, видимо, был расстрелян в момент, ко-

гда вышел из машины, чтобы открыть калитку. Его тело распласталось у колес джипа. Если на водителя неведомый преступник, можно сказать, пожалел боеприпасов, то Макарову уж точно досталось сполна. Его труп, изрешеченный выстрелами, скукожился на переднем пассажирском сиденье. Словом, зрелище было ужасающим.

Елизавета, рассматривая фотографии с места происшествия, невольно содрогнулась. Зияющие раны на шее и груди Макарова, оливкового цвета джемпер, залитый кровью...

Гости Бергера, несмотря на алкогольный дурман, уже успевший окутать их головы, а может, и благодаря ему, проявили чудеса сообразительности и расторопности. Выяснив у трех случайных свидетельниц происшествия направление, в котором скрылись злоумышленники, они поспешно оседлали «Ниву» и «жигуленка» и рванули в сторону развилки дорог, где у них имелись все шансы опередить негодяев и отрезать им путь к бегству... Да, еще одна маленькая деталь. Начиная сезон охоты, и поэтому некоторые из гостей, собираясь поутру пострелять дичь, захватили с собой ружья. С этим оружием наперевес преследователи перегородили убийцам дорогу. И чуть было не добились своего!

Кремовая «девятка» шла не быстро. Но, заметив преграду из людей и машин, водитель начал притормаживать. Люди на дороге махали ружьями и требовали остановиться. Двое в салоне, переговариваясь между собой, решали, видимо, как поступить в сложившейся ситуации. Автомобиль, почти за-

медливший ход, вдруг резко рванул прямо на гостей, намереваясь проскочить. И это чуть не стоило жизни свидетелю Куролесину. Мужчина едва увернулся от летевшей на него смерти. Руками он даже коснулся капота автомобиля...

Все кинулись по машинам. Началась погоня. Наглая «девятка» летела, словно камень, выпущенный из пращи. Она чуть не лишила жизни доблестного сотрудника ДПС Толстикова, пытавшегося выполнить свой профессиональный долг и остановить сумасшедшую гонку. Бедный сержант едва успел отскочить в сторону и, не удержавшись на ногах, плюхнулся на пятую точку. Ну а далее события разворачивались, как в кинофильмах с погонями...

Едва поступило сообщение, что со стороны озера Кедровое мчится кремовая «девятка», чуть не сбившая младшего сержанта, два экипажа ППС и командир взвода ДПС ГАИ предприняли попытку задержать взбесившийся автомобиль на стационарном посту ГАИ.

Еще через пять минут дежурному сообщили, что все три машины, проигнорировав требование остановиться, миновали пост ГАИ. Предупредительные выстрелы не возымели нужного результата. Дело приобретало крутой поворот. До въезда в город оставались считанные километры. На городских улицах лихие автогонщики наделали бы много беды.

– Перекрыть дорогу! – поступила команда.

Служебные автомобили блокировали магистраль прямо у стелы с названием города. Водитель кремовой «девятки» не

успел ничего сообразить, когда впереди возникла преграда. При резком торможении машину занесло, и она, развернувшись, уткнулась в металлическое ограждение. Рядом остановились автомобили преследователей.

Несколько минут спустя все фигуранты происшествия лежали на горячем от солнца асфальте, наблюдая в непосредственной близости пыльные милицейские ботинки. Погоня закончилась...

Елизавета, вооружившись цветными фломастерами и листами бумаги, пыталась привести в систему полученные сведения.

Итак, в кремовой «девятке» находились двое молодых мужчин. Один – Перевалов Альберт Викторович, заместитель директора охранной фирмы «Муха». Другой – клиент Елизаветы, Петренко Сергей Алексеевич, рядовой охранник той же фирмы. Они были задержаны, и спустя положенное законом время им было предъявлено обвинение в умышленном убийстве двух лиц: граждан Макарова и Агеева. Более того, с легкой руки следователя прокуратуры Васильчикова список инкриминируемых Перевалову и Петренко деяний пополнился покушением на жизнь Куролесина, пытавшегося, выполняя свой общественный долг, остановить преступников, а также посягательством на жизнь работника правоохранительных органов младшего сержанта Толстикова.

Елизавета вздохнула. Два убийства и два покушения –

многовато! Но даже не это имел в виду Полич, когда говорил, что не будет ставить перед Елизаветой неразрешимых задач. Главное заключалось в доказательствах, которых, на взгляд неискушенной в судебных баталиях Елизаветы, было достаточно. Она расчертила лист бумаги, в двух колонках поместила «Перевалов» и «Петренко», в каждую из них занесла собранные по делу улики.

Перевалов: 1) На автомате, обнаруженном в 170 метрах от ворот яхт-клуба, обнаружены два волокна темно-серого цвета. По заключению эксперта, они идентичны волокнам, входящим в состав джемпера Перевалова. Именно в нем он был задержан сразу после совершения преступления.

2) На обуви Перевалова, согласно заключению почвоведческой экспертизы, имелись фрагменты, сходные с образцами почвы, изъятыми у въездных ворот яхт-клуба.

3) На обоих рукавах джемпера Перевалова обнаружены следы дефиниламина, входящего в состав продуктов выстрела.

Петренко: 1) На резиновой перчатке, изъятой из его автомобиля, имелся все тот же дефиниламин.

2) На крышке ствольной коробки, в месте расположения защелки (то есть внутри автомата) найдены волосы, принадлежащие животному из отряда собачьих. Эти же волосы обнаружены на чехлах «девятки» Петренко. По показаниям супруги обвиняемого, в автомобиле частенько путешествовали их домашние любимцы (ротвейлер и боксер).

Кроме того, обстоятельства, при которых были задержаны Перевалов и Петренко, явно свидетельствовали против них. Их обнаружили при попытке унести ноги от места совершения убийства. Две дюжины свидетелей, участников и зрителей погони, судя по материалам дела, горят праведным гневом и готовы под присягой дать суду показания против злодеев. Более того, преступники, скрываясь, едва не угробили еще двоих, стремившихся остановить беззаконие, людей.

Ну и заключительным штрихом может стать мотив убийства Макарова. Поначалу прокуратура вроде бы логично рассудила, что дело, по всей видимости, относится к разряду заказных. Общественное положение потерпевшего было таково, что этот вывод напрашивался сам собой. Однако какое-то время спустя в материалах дела появилась информация о конфликте между Переваловым и Макаровым, якобы имевшем место за три дня до совершения убийства. События развернулись в одном из ресторанов, принадлежавших Макарову. Перебравший в тот вечер по части спиртного, Перевалов вел себя, мягко говоря, некорректно, вследствие чего получил строгое внушение от хозяина заведения. Макар, не привыкший бросать свои слова на ветер, при помощи охраны выставил хулигана на улицу. И этот факт имел пренеприятные последствия для всех участников конфликта. Всемогущий Макаров пал жертвой самой банальной мести. Бедняга же Агеев, как любой невезучий человек, просто оказался не в нужном месте и не в нужное время. А Перевалов со сво-

им сообщником Петренко обеспечили себе пожизненное заключение. И уповать им нужно не на адвокатов и доброго судью, а на бога. Если очень повезет, то они могут надеяться годков эдак на двадцать пять...

Лиза схватилась руками за голову. Да, похоже, славы, занимаясь этим делом, ей не дожидаться. Обличающие доказательства можно грузить на тележку, а вот оправдательных и под микроскопом не найдешь. Горе-киллеры Петренко и Перевалов даже не удосужились защищать себя. Все предварительное следствие они молчали, как в рот воды набравши, и отказывались что-либо объяснять. Разве будет молчать невиновный человек? Да ни за что на свете! Будет оправдываться, защищаться, приводить аргументы. Похоже, с подозреваемыми все ясно. А значит – прощай слава, прощай признание! А от мысли о том, что прощаться придется и с героем своих недавних грез, мужчиной – двойником обожаемого Клуни, Елизавете хотелось зло взвизгнуть и швырнуть все собранные по делу бумаженции в форточку.

Что же! Она, Елизавета Дубровская, не станет раздавать авансы, особенно по безнадежным делам. Ее задача – не вводить клиентов в заблуждение, а прямо в лоб заявить, что надеяться теперь уже подсудимый Петренко Сергей Алексеевич может только на чудо...

– Вы решили отказаться от дела? – произнес Полич с та-

ким искренним огорчением, что Елизавете стало совестно.

– Да нет же! Просто я хотела еще раз удостовериться в том, что вы правильно понимаете сложившуюся ситуацию и не будете иметь ко мне претензий в будущем.

– Что вы! Какие претензии! – поспешил заверить Дубровскую Виктор Павлович, для убедительности подняв вверх обе руки.

– В общем, так! Работать я буду добросовестно. Но скажу вам откровенно, моя задача, как защитника, будет очень узкой и весьма конкретной. Я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы ваш подопечный не получил пожизненного заключения.

– Что вы говорите! Его могут расстрелять?

– Скажем так, ему ничего другого не светило бы, но действующий в стране мораторий на применение смертной казни предполагает пожизненное заключение. Это – альтернатива высшей мере наказания на сегодняшний день.

Полич задумался на несколько минут, потом произнес:

– Спасибо вам за правду, Елизавета Германовна. Но я, как близкий друг и бывший директор этих охломонов, несу моральную ответственность перед членами их семей. А поэтому искренне прошу вас помочь мне.

Елизавета была тронута проявлением такого дружеского участия. Не так часто встретишь сейчас столь верных и преданных друзей.

– Я хотела вас спросить... Скажите, а что, Перевалов и

Петренко, на ваш взгляд, действительно похожи на хладнокровных убийц?

– Ну я бы так не сказал, – замылся Полич. – Но, впрочем, то, что им вменяют в вину... Как бы правильнее выразиться? Соответствует их натуре, что ли... Перевалов – красивый, взрывной парень, заводится с пол-оборота. Очень высокого мнения о себе, не прощает обид, смел, дерзок, решителен. В общем, я не удивился, когда узнал, что из-за какого-то пустякового конфликта он задумал убийство. А Петренко – его товарищ, но полная ему противоположность. Рохля, флегматик, легко поддается внушению. Что удивительно, при подобных чертах характера – мастер спорта по боксу в тяжелом весе. Но лидером, бесспорно, в их дружеском союзе всегда был Перевалов. Они одноклассники. Даже учились, как помнится, вместе. Перевалова я взял к себе в заместители, а Петренко так рядовым и остался. Но он настолько неамбициозен, что это, кажется, его ничуть не задевало.

– Надо же, – удивилась Елизавета, – насколько точно ваша характеристика совпадает с данными уголовного дела. Ведущая роль, конечно, принадлежала Перевалову. У него был мотив, он разработал все детали нападения, он стрелял... Петренко же только сидел за баранкой да удирал от преследователей. Правда, чуть не сбил насмерть свидетеля, а потом милиционера.

– Не удивлюсь, если инструкции, что и как делать, ему давал Перевалов. – Полич махнул рукой. – Эх, жаль парня! У

него жена молодая дома осталась. Хорошо, что детей завести не успел, а то сиротами бы остались. Я, конечно, чем смогу – помогу его супруге. Но сами понимаете, разве это утешение!

– Верно, – молвила Елизавета, погруженная в свои думы.

– Я вот тут принес кое-что. – Полич достал папку с бумагами и протянул ее Елизавете. – Там характеристики, ходатайства от коллектива, справки о поощрениях. Может, это хоть как-нибудь поможет?

Елизавете не хотелось его огорчать.

– М-м, пригодится... наверно. Спасибо, – пробормотала она.

– Елизавета Германовна, у меня есть определенные связи. Я все же бывший мент и далеко не рядовой. Так что могу оказать вам посильную помощь. По мере сил, конечно...

Дубровской было очень жаль этого обаятельного мужчину, готового, как говорится, подставить спину под бремя чужих, по сути, проблем. Она жалела молодую супругу своего клиента, да и самого Петренко. Как бы то ни было, но помочь ему она не сможет. Эта задача была бы не по силам даже великому Грановскому!

Петренко оказался высоким молодым мужчиной отнюдь не хрупкого телосложения. «Тюфяк!» – первое, что пришло на ум Елизавете. Действительно, имевшие место спортивные заслуги ее подзащитного, тем более в таком виде спорта, как бокс, как-то не ассоциировались с рыхлым телом мужчины.

Жиденские, неопределенного цвета волосы обрамляли широкий, без морщин и малейшего намека на развитый интеллект, лоб. В его выцветших, как голубая тряпка на солнце, глазах Дубровская не прочитала ничего, кроме усталости и безразличия. «Господи! Опять мне такое же наказание!» – взмолилась она в душе, взывая к невидимому Создателю. Дело в том, что первый клиент Дубровской по делу Суворова был почти точной копией этого Петренко. Но он, ко всему прочему, был еще ненормальным и обращал внимания на Елизавету столько же, сколько среднестатистический человек тратит, любясь пустым местом. В довершение всех бед он сжирал по полкило конфет, прежде чем соглашался вымолвить хоть слово. Излишне говорить, что эти конфеты Дубровская приобретала на свои деньги. «Второй раз я такого не вынесу», – в отчаянии подумала она, но вслух произнесла:

– Здравствуйте. Я ваш адвокат – Дубровская Елизавета Германовна.

Прежний ее клиент в ответ невнятно произносил: «Э-э?» – и, впериw в потолок бессмысленные глаза, почесывал свое интимное место.

Петренко же взглянул на нее, правда, без малейшего интереса:

- Сергей Алексеевич. Можно без церемоний, Сергей.
- «Слава богу!» – возликовала в душе Елизавета.
- Я ознакомилась с вашим делом, Сергей...

– Дело дрянь?

– Ну, вообще-то... Положение у вас не самое лучшее. Правильнее сказать, совсем нехорошее.

– А еще правильнее, дрянь! Я так и знал, – заявил Петренко и принялся рассматривать свои аккуратно подстриженные ногти.

– Я пришла, чтобы обсудить с вами то, что вы будете говорить в суде.

– А смысл? – вяло поинтересовался Петренко.

– Но мы же должны защищаться! – воскликнула Елизавета.

– Зачем?

– Неужели мы будем сидеть сложа руки и ждать, пока кто-то решит вашу судьбу?

– Моя судьба уже решена, – без эмоций сообщил Сергей. – Но если вы так любопытны, я скажу: я невиновен!

– Вы будете отрицать то, что были на Кедровом озере в тот день?

– Нет! Не буду. Я был там.

– Ну и как вы объясните суду, зачем вы туда поехали?

– По грибы, – простодушно заявил Петренко. – Я и мой товарищ Перевалов хотели насобирать грибов.

«Час от часу не легче!» – вздохнула Елизавета, а вслух поинтересовалась:

– Ну и как, насобирали?

– Не нашли, – развел руками Сергей.

– Ну вот что, Сергей Алексеевич! – грозно заявила Елизавета. – Я не думаю, что это удачная линия защиты в суде.

– Вот видите. Вы мне не верите... Мы действительно собирались за грибами. А на обратном пути увидели мужиков с ружьями посередине дороги, побоялись останавливаться и проехали мимо.

«И чуть не лишили жизни двух ни в чем не повинных людей!»

– А вам что-нибудь известно о конфликте Первалова и Макарова?

– Может, что и было. Не знаю.

У Елизаветы сложилось впечатление, что ее подзащитный откровенно валяет дурака. Причем делает это так, будто оказывает ей большое одолжение: говорит мало, инициативы в разговоре не проявляет. Похоже, ему безразлично, как сложится его судьба. Впрочем, прояви он заинтересованность, результат был бы тем же. Так что нет никакой разницы, заявит он, что собирал в тот роковой день грибы на Кедровом озере, или же скажет, что возвращался с прогулки по Марсу. Все одно! Он будет признан виновным. Но, судя по всему, он виновен на самом деле.

– У меня к вам просьба, – почти застенчиво произнес Петренко, наблюдая, как Елизавета собирает бумаги в портфель. – Передайте это моей жене.

С этими словами он вручил адвокату конверт. Елизавета растерянно повертела его в руках. Замысловатые розочки

и умильные кошачьи морды создавали на конверте узор, не оставлявший сомнений в том, что в руках Дубровской был типичный образец тюремного творчества. В неволе у некоторых заключенных развивается талант. Один строчит длинные послания в стихах о своей загубленной жизни, другой катает из хлебного мякиша забавные фигурки, третий рисует пошлые картинки. Елизавету не умиляли слезоточивые блатные песни. И к котяткам и прочей мелкой живности она относилась спокойно. «Господи! И находятся дуры, которые верят во всю эту галиматью!» – вздохнула она.

– Передам, – пообещала Дубровская. – До встречи!

– До свидания, – буркнул Сергей, не проявляя ни малейшего интереса к тому, что Лиза уходит. Справедливости ради надо заметить, что и ее появление взволновало его не больше, чем вылазка запечного таракана.

«Конечно, я не ожидала горячей радости. Но все-таки обидно», – подумала Дубровская, закрывая за собой дверь.

Изнуряющее однообразие тюремных будней имеет подчас свою положительную сторону. Где, как не здесь, представляется уникальная возможность остановиться и посмотреть на свою жизнь как бы со стороны. Так было и с Сергеем Петренко. Он не просто осмысливал прожитые годы, он как бы отсутствовал в камере. Его большое нескладное тело безропотно переносило все тяготы жизни в заключении. Он мог бы считаться образцовым узником. Но его душа, покинув тес-

ную оболочку, выбралась из серых стен изолятора и скиталась в прошлом. Он не верил в будущее. Его мало интересовало настоящее. Он жил давно ушедшими днями...

Воспоминания о детских и юношеских годах не вызывали у Сергея Петренко щемящего чувства ностальгии. Они, подобно серой ленте дороги без указателей и дорожных знаков, бесконечно петляли где-то в самых дальних закоулках сознания.

Сергей воспитывался в неполной семье. Казалось, никому, кроме его самой красивой и самой умной матери, он не был интересен. Дворовые ребята не принимали его в свои игры, а взрослые считали Сережу не то слишком заумным, не то чокнутым. В общем, он был, как говорят, не от мира сего. Природа не наградила его ни блестящим умом, ни хотя бы мало-мальской смазливостью. Однако в качестве компенсации даровала ему незаурядные спортивные данные. Маленький Сергей – рыхлый и бесцветный в жизни – чудесным образом преобразался, выходя на ринг. У него оказалась молниеносная реакция и какая-то невообразимая настойчивость. Как-то раз парень настолько увлекся поединком, что, не обращая внимания на грозные окрики тренера и серое, изменившееся лицо противника, продолжал наносить все новые удары. Лишь когда его почти силком оторвали от потерявшего ориентацию соперника и, хорошенько потрянув, поставили на пол, он пришел в себя. Тренер не стал понапрасну тревожить мать, а сделал для себя вывод о незауряд-

ных бойцовских качествах молодого Петренко. Парень тренировался много и охотно, занимал призовые места в первенствах города и даже области. Какой-то убеленный сединами заслуженный и авторитетный тренер настаивал на переводе Сергея в спортивную школу олимпийского резерва в столицу. Но мать, боясь разлуки, заупрямилась и отказала.

Среди школьной ребятни Сергей сразу же выделил своего одноклассника Перевалова. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Мальчишка был симпатичным общительным сынком обеспеченных родителей. Успехами в школьных дисциплинах он не блистал. Однако его жизнерадостность, открытость и компанейность привлекали к нему целые толпы почитателей. Все девчонки, начиная с младших классов, были поголовно влюблены в высокого, черноволосого и голубоглазого подростка. Они писали ему трогательные детские письма, дарили незамысловатые подарки, а самые смелые признавались в любви. Ребята Альберта уважали. Многие старались сойтись с ним поближе, набивались в друзья. Сам Перевалов одноклассников не чурался, собирал у себя дома и на даче шумные школьные компании. Судьбе было угодно, чтобы эти два совершенно противоположных по характеру, темпераменту, образу жизни подростка подружились. Они представляли собой необычную пару.

В старших классах популярность Альберта расцвела пышным цветом. Он проводил веселые выходные в обществе многочисленных подружек за городом, назначал свидания в

кафе и на пустующей даче, флиртовал напрапалуую со всем женским населением в радиусе двадцати миль. Перевалов рано приобрел сексуальный опыт и мог бахвалиться своими победами, вешая лапшу на уши доверчивым пацанам.

«Это потрясно! Круче, чем сигареты и коньяк», – говорил он вначале.

«Классно... Но ничего особенного», – заявил он позже.

«Все они одинаковы. Меня ничем не удивишь», – этот вывод он сделал к десятому классу.

И все же с течением времени толпа его поклонниц ничуть не уменьшалась. Несколько раз Перевалов пытался оказать дружескую услугу и сплавить особо надоедливых особ бедному Петренко. Но приятель, оказавшись наедине с девушкой, как-то немел, произносил глупые фразы и в конце концов замыкался в себе. Сергей давно уже сделал для себя вывод, что он скучен, безобразен, неинтересен для противоположного пола. Ему оставалось только вздыхать и наслаждаться ночными видениями, которые, появляясь с завидной регулярностью, все же приносили разрядку растущему организму.

В положенное время ребята подали заявление в университет и без особых проблем были зачислены в ряды студентов. Будущие педагоги не обременяли себя нудными лекциями и семинарами, зато всю отрывались на студенческих вечеринках. Петренко преодолел свою робость по отношению к прекрасному полу, но он не мог не признаться себе в

некотором разочаровании. Подружки, сменяя одна другую, не оставляли в его душе ни малейшего намека на настоящее чувство. Сергею хотелось чего-то более значительного, чем голый секс. Возможно, он грезил о любви. Перевалов же советовал не морочить себе голову, а наслаждаться молодостью, свободой и юными студентками. Они и на самом деле казались доступными и до крайности раскрепощенными. Напротив университета стоял памятник Горькому. На его чугунной шляпе всегда белел птичий помет. Студенты, смеясь, поговаривали: «Если из университета выйдет хоть одна девственница, то Горький почтительно снимет шляпу». Но студенческие поколения сменяли друг друга, а головной убор советского классика так и оставался на прежнем месте.

Хотя однажды, в конце второго курса, Петренко испытал нечто похожее на настоящее чувство. Предметом его страсти оказалась довольно миловидная брюнетка с крошечным вздернутым носиком, стройными ножками и тоненькой, как у стрекозы, талией. Она была в меру застенчива и заливалась нежным румянцем каждый раз, когда ее девичьих ушек касалась какая-нибудь непристойность. Ее звали Оленька. Обладая кротким нравом, она благосклонно выслушивала неуклюжие комплименты своего Ромео. Петренко, робея, преподнес ей свой первый в жизни букет и даже, что на него совсем не похоже, искупался в фонтане под бурные восторги толпы. Оленька лишь благодарно похлопала длинными ресницами и сказала, что он молодец. Восторженный Сергей

был готов на новые безумства. Он строил планы на будущее. Во-первых, он собирался познакомиться избранницу с матерью. Во-вторых, определиться наконец со своим неопределенным семейным положением. За советом он обратился к искушенному в амурных делах Перевалову. Альберт посоветовал не пороть горячку, но поставил девушке приятеля «твердую четверку» по разработанной им же пятибалльной шкале. Они сходили втроем в кино, в кафе-мороженое. Сергей от души радовался, что самые близкие ему люди так прекрасно ладят друг с другом. Вечером он поделился с Альбертом новой идеей – пригласить Оленьку на романтические выходные в горы. Он приобрел недорогую путевку в студенческом профкоме и рассчитывал, что они отлично проведут время, любуясь красотами почти швейцарских гор и великолепного озера.

«Отличная мысль! – похвалил Альберт. – Да ты, брат, я смотрю, скоро меня перещеголяешь по женской части. Смотри, не наделай глупостей!»

Но Сергею было уже бесполезно говорить что-либо про осторожность. В голове у него уже было готово предложение руки и сердца для своей прекрасной дамы. С его точки зрения, оно звучало совсем неплохо, а главное – убедительно. Он уже предвкушал тихий вечер на просторной террасе, бутылочку вина, Оленьку в сарафане с открытой спиной...

В общем, в назначенный день и час он на крыльях любви прилетел к знакомому общежитию. Престарелая вахтерша,

едва взглянув на его взволнованное лицо, заявила:

– Уехала Оленька.

– Как уехала? Куда? – ничего не понимая, глупо улыбался Сергей.

– Сказала, в горы.

– С кем?

– Как с кем? С парнем своим, красивым таким, черноволосым. Да и имя у него необычное. Не то Артур, не то Альберт, – вещала разговорчивая бабуля, но Сергея и след простыл.

Многое он передумал за эти три дня. Прошли выходные. Вернулся Альберт.

«Прости, брат! Не удержался. С кем не бывает. Знаешь, она буквально висла у меня на шее, проходу не давала... А вообще я погорячился когда-то. Троечка – вот ее красная цена. Да и в постели – ничего особенного!»

Помнится, тогда Петренко впервые ударил своего друга. Но, поразмышляв на досуге, Сергей сделал для себя несколько важных выводов.

Первый: что ни делается, все к лучшему! Рвать крепкую мужскую дружбу из-за какой-то девчонки, оказавшейся слабой на передок, он не будет. Если разобраться, то он должен быть благодарен Альберту за то, что друг помог вовремя обнаружить змею, которую он сам по наивности пригрел на собственной груди.

Второй вывод был малоутешителен. Пожалуй, он на са-

мом деле настолько непривлекателен для противоположного пола, что в дальнейшем все его общение с этими вероломными стервами будет исчерпываться только физическим актом любви. Больше ни одна сладкоголосая дамочка не займет места в его одиноком сердце. Он будет один, и это навсегда!

Однако говори – но не зарекайся! Не знал Сергей тогда, что своенравная судьба заготовила ему неожиданный сюрприз. Но это было еще впереди...

Испытывая неудовлетворенность от первой встречи со своим новым клиентом, Елизавета совсем не горела желанием знакомиться с его супругой. Но не многие адвокаты могут выбирать себе подзащитных. Как правило, это дело случая. Что касается родственников обвиняемого – это отдельная песня. Они могут быть интеллигентными, понимающими, приятными во многих отношениях. Однако чаще всего на деле бывают взвинченными, требовательными, иногда неблагодарными. Но общаться с ними защитник обязан, должен вводить их в курс дел близкого им человека, терпеливо отвечать на вопросы, сочувствовать и вселять надежду.

«Представляю, как выглядит его жена! – обреченно думала Елизавета. – Если она такая же сентиментальная, как ее супруг, то неплохо бы запастись сердечными каплями. Увидит нарисованных им кошечек – всплакнет на моей груди. А что будет с ней, если я выложу ей всю правду-матку? Мол, крепитесь, дорогая, но вы встретитесь со своим любимым

скорее всего в другой жизни. Ближайших двадцать пять лет ему будет не до вас».

С такими невеселыми думами Дубровская переступила порог юридической консультации. Там она почти с ходу налетела на пожилую, обрюзгшую тетку, с трудом волочившую за собой больную ногу. Рядом с ней семенял адвокат Ромашкин. Он был подозрительно галантен. Дело в том, что его любезность распространялась, как правило, на молодых, броской внешности дам, возраста до тридцати с небольшим. Если белозубый красавец-адвокат приветливо шаркал ножкой в обществе более зрелых представительниц женского пола, то это означало только одно: ему хорошо заплатили. Елизавета, обычно взиравшая сквозь пальцы на проделки пройдохи Ромашкина, на этот раз остановилась как вкопанная. Ее голосовые связки парализовал гнев, а темно-карие глаза приобрели насыщенный цвет консервированных маслин. Дело в том, что перед ней была та самая клиентка, бессовестно покинувшая ее при написании исковых заявлений.

– Милочка, это вы? – приветливо улыбнулась толстуха. – Вы неважно выглядите. Очень бледненькая.

Елизавета с трудом удержалась, чтобы не ответить ей резкостью.

– В вашем положении нужно больше бывать на свежем воздухе.

– Спасибо за заботу. Я так и сделаю, – как можно холоднее ответила Дубровская.

Коллега Ромашкин почему-то, застенчиво пряча глаза, настойчиво пытался выпихнуть пожилую женщину за порог.

– Надо же, животик совсем плоский. Со мной такое же было, когда я первым ходила.

Елизавета подумала, что всему виной одуряющая жара, стоявшая в городе уже неделю, и у нее от духоты начались слуховые галлюцинации. Либо эта женщина сама перегрелась на солнце. Дубровская отказывалась понимать, при чем тут ее живот и почему клиентка вместо извинений что-то несет про ее бледность и прогулки на свежем воздухе.

– Когда у вас срок? – продолжала интересоваться женщина.

– Да все сроки уже прошли! – рявкнула Елизавета. – Между прочим, по вашей вине.

– Неужели выкинули? – всплеснула руками толстуха.

– Да нет, почему же! Они со мной. – Елизавета имела в виду, конечно, исковые заявления.

– Так у вас двойня? – оживилась клиентка.

Дубровская тупо уставилась на нее, одновременно пытаясь сообразить, что происходит. Ромашкин суетливо заелозил на месте:

– Ну вы тут говорите, а я, пожалуй, пойду...

Он развернулся и подозрительно быстро покинул дам. Клиентка наклонилась к Елизавете и заговорщицки подмигнула:

– Александр Никитич любезно сообщил мне вашу ма-

ленькую тайну.

– Какую тайну? – обалдело уставилась на нее Елизавета.

– Что вы ждете ребенка и заниматься адвокатской практикой пока не будете. Кстати, он составил за вас исковые заявления и пообещал взыскать в мою пользу материальный и солидный моральный ущерб. Как вы думаете, две тысячи долларов компенсируют мои нравственные страдания?

Дело в том, что неделю назад болтливая клиентка умудрилась влезть в гудрон на одной из центральных улиц. В городе ремонтировали дороги, и одна из фирм, получившая заказ на выполнение этих работ, что-то нарушила в технологии. Покрывая дороги какой-то странной вонючей массой, горе-работники добились того, что пешеходы прилипали намертво, оставляя в гудроне тапочки, ботинки, сумки и прочие имевшиеся у них предметы. Спору нет, это было форменное безобразие. Но выпуски теленовостей превращали ситуацию больше в комическую, чем в поучительную. Было забавно наблюдать, как, переходя дорогу на светофоре, бедняги один за другим липли подошвами к плавящейся на солнце поверхности. Причем печальный опыт одних не служил уроком для других. Беспечные, как летние мошки, и упрямые, как стадо баранов, люди лезли в гудронное месиво. Затем загорался зеленый свет для автомобилей, и улицы оглашались сигналами машин, гневными окриками водителей, визгом прилипших. Пешеходы не собирались за просто так отдавать свою обувь и не спешили покидать проезжую

часть.

Вот в такой давке клиентка Елизаветы ушибла ногу и оставила в гудроне туфли. Красная цена всем ее материальным потерям составила не более сотни рублей. Но, собираясь разжиться на столь примечательном происшествии, ушлая дама запаслась массой медицинских документов, свидетельствующих о том, что жизнь и здоровье их предьявительницы пошли на убыль. Виновницей этому была, конечно, шарашкина контора, производящая ремонт дорог.

– ...против раннего токсикоза я знаю несколько средств, – продолжала гнуть свою линию толстуха, но Елизавета ее не слушала.

Она искала глазами бессовестного Ромашкина, но того уже и след простыл. Налицо было вопиющее нарушение правил адвокатской этики. Ее коллега не только переманил чужого клиента, но еще и самым наглым образом надул его. Придумав красочную историю о мнимой беременности Елизаветы, он прикарманил денежки доверчивой посетительницы да еще ввел ее в заблуждение насчет внушительной суммы морального ущерба, которую та сумеет отвоевать в суде.

Но после драки кулаками не машут. И Елизавета, заверив свою бывшую клиентку, что будет придерживаться рекомендаций доктора и обязательно выносит двойню, поспешила на поиски коварного лгуна. Она почти вцепилась в горло Ромашкина, когда подлый коллега, обмякнув в ее руках, уставился куда-то вдаль. Его глаза округлились, рот слегка при-

открылся, а всегда аккуратные усики зашевелились. Елизавета нехотя обернулась.

По коридору шествовало нечто неземное, словно какой-то мираж. Когда он рассеялся, перед адвокатами предстала потрясающей красоты девушка. Она напоминала дорогую длинноногую куклу вроде Барби. Ее личико будто бы вылепил из первоклассного материала умелый скульптор, а художник тонкой кистью нанес неправдоподобно огромные синие глаза, аккуратный носик и пленительный ротик. Высокий рост, узкие бедра, волосы, золотыми сполохами играющие на спине... В общем, всего этого было уже слишком. Ну не может быть все настолько совершенным у живой женщины! Если глаза – то цвета неба, если губы – то оттенка спелой малины, если кожа – то персиковая, если волосы – то золотые. Одним словом – чудо природы.

Видение открыло рот и произнесло:

– Мне нужна адвокат Дубровская.

– Это я, – промямлила Лиза.

Девушка приветливо улыбнулась, обнаружив легкий дефект передних зубов. Они казались немного великоватыми, но это почти не портило красавицу. Даже наоборот, вносило элемент реальности в ее сказочную внешность, что благотворно действовало на собеседника. Не так приятно разговаривать с ожившим экспонатом кукольного магазина!

– Я – жена вашего клиента Петренко.

В следующую минуту, повисшую напряженной тишиной

в помещении, Елизавета пыталась осознать смысл сказанного. Ей просто везло на сюрпризы в этом уголовном деле. Она сопоставляла две фигуры: Петренко-мужа и Петренко-жену. Но они упорно не желали воссоединиться в ее протестующем сознании в единое целое.

«Прямо Нотр-Дам какой-то!» – думала она, имея в виду, конечно, Петренко-мужа в роли горбатого Квазимодо.

Начало встречи прошло слишком сумбурно. Затем Елизавета вытащила из портфеля письмо. Девушка схватила его так порывисто, что Дубровскую уже во второй раз за этот день чуть не прихватила мигрень. Ей казалось, что все вокруг нее сговорились совершать самые необъяснимые поступки.

– Неужели это он сам нарисовал? – восхищалась блондинка, поглаживая тонким изящным пальчиком мордочки котят.

– Да... Я думаю, что-то в этом роде, – невпопад ответила Елизавета.

Она сделала совершенно неожиданный вывод, основанный не на логике, а на собственном наблюдении. Марина Петренко очень любила своего мужа. У Елизаветы вылетела из головы заранее подготовленная речь. Адвокат Дубровская так и не решилась сообщить этой женщине о той катастрофе, которая неминуемо произойдет в ближайшем будущем.

Дверца небесно-голубого «Мерседеса» бесшумно распах-

нулась, и женские ножки в туфлях из тонкой кожи привычным движением коснулись тротуарной плитки. Обладательница дорогого авто поправила солнцезащитные очки и степенной походкой направилась в собственный офис. Это была женщина неопределенного возраста, респектабельной наружности, знающая цену себе и окружающим. Она пустила крепкие корни в этом миллионном городе, обзавелась полезными знакомствами в здешнем юридическом мире и имела все основания считать себя преуспевающей дамой. Впрочем, секреты ее успеха лежали на поверхности и не представляли загадки для окружающих. Имея мужа, занимающего важный пост в управлении юстиции, и брата, судью областного суда, можно было, не особо напрягая серое вещество, строить успешную адвокатскую карьеру. Однако надо отдать ей должное: крепкие семейные узы деловая дама использовала с максимальной изобретательностью, извлекая из них все, что только можно извлечь. Наделенная природой не самым высоким интеллектом и обладая почти деревенской внешностью, она немало потрудилась над собой. Парикмахеры, косметологи, имиджмейкеры, как могли, придали ей светский лоск: уложили волосы в гладкую деловую прическу, смягчили грубоватые черты лица стильным макияжем, подобрали ей модную дорогую одежду. С манерами и речью у бизнесвумен было значительно труднее. Да и в профессиональном плане дамочка звезд с неба не хватала. Но и здесь нашелся выход. Обладая нужными связями и знакомствами, она

ковала победу за кулисами суда. Ей охотно шли навстречу. Чего не сделаешь для жены человека такого уровня! Ее адвокатский рейтинг был стабильно высок, а у клиентов она пользовалась несомненной популярностью. Эта дама весьма ловко научилась скрывать природное косноязычие и медлительный ум под маской высокомерия и королевской холодности. Но иногда плохое воспитание давало о себе знать, вылезая наружу, главным образом в отношении подчиненных.

Женщина поднялась по широким ступеням к массивной двери. Неоновая вывеска над входом гласила: «Юридическая помощь „Вера+“.» Ее супруг, помнится, чуть не проел ей плешь из-за этого, в общем, простенького названия.

– Придумай что-нибудь другое. Мне оно кажется двусмысленным.

– Разве мое имя не Вера? – возражала она.

– Даже если так, при чем здесь дурацкий плюс?

– Все очень просто. Со мной будет работать несколько человек. Не могу же я назвать их компаньонами.

– А мне кажется, «плюсовать» будут не их, а меня с твоим братом. Это уже ни в какие ворота не лезет. Ты же знаешь, что именно я стал инициатором областного проекта по борьбе с коррупцией...

Не секрет, что редкий человек не обладает тщеславием. Обладая помимо мужицкой хватки еще и чрезвычайно развитым честолюбием, Вера до смерти хотела утвердить свой авторитет, пускай даже за счет броской вывески с собствен-

ным именем. В общем, супруг поворчал для порядка пару дней, но название менять не стали. Коллеги ехидно давали комментарии за спиной Веры, но в лицо высказаться никто бы не решился.

Дама вошла в кабинет, швырнула сумочку на стол и звала по селектору секретаря. Через секунду симпатичный и расторопный молодой человек, похожий чем-то на младшего Иглесиаса, нарисовался перед ней, держа в руках объемную папку.

– Какие были сообщения? – спросила она, устало откидываясь на спинку кожаного кресла.

– Благотворительный фонд детей-сирот приглашает вас с супругом на презентацию компьютерного класса в школу-интернат...

– Сообщи им, что мы тронуты, но присутствовать не сможем. Узнай номер расчетного счета интерната, мы переведем им деньги. Обязательное условие – осветить этот факт в печати. Дальше...

– Звонили из прокуратуры Кировского района. Дело по обвинению Щапова в изнасиловании прекращено за отсутствием состава преступления...

– Прекрасно. Перезвони сегодня же следователю и пригласи его на деловой ленч завтра в тринадцать ноль-ноль. Затем свяжись с Щаповым, пусть принесет до обеда оставшийся гонорар. За результат. Он знает. Дальше...

– Дело по убийству Макарова назначено в областном суде

на конец этой недели. Судья Фрик. Прокурор Илюшин. Адвокаты со стороны подсудимых Дьяков и Дубровская.

– Ясно... Итак, с судьей начнем с чашечки кофе. Прокурора зови на ленч. Только не завтра. Нехорошо получится, если они тут встретятся... Кто там еще?

– Дьяков и Дубровская... – подсказал секретарь.

– Так, Дьяков перебьется. Нечего кофе на него переводить. А Дубровская... Это что за птица?

Юноша покопался в папке и выудил нужный листок:

– Дубровская Елизавета Германовна, адвокат. Юридическая консультация №1; 24 года. Отец – Дубровский Герман Андреевич. Областная администрация, начальник отдела...

– Довольно. Папу и дочь – на дружеский ужин в субботу...

– Но тут написано, что он скончался в сентябре прошлого года.

– Неужели? Тогда с ужином отбой. Дочь обойдется без кофе. Молодая еще... В общем, уточни мое расписание. Ты знаешь как. Обозначь время встреч, свяжись с приглашенными. Ясно?

– Как белый день, Вера Мироновна!

– Ступай. Впрочем, стой!

Парень, привыкший к капризам своей начальницы, остановился, по-военному четко развернулся.

– Пометь еще... Сегодня, восемнадцать тридцать, кофе, плюс один человек...

– Фамилия? – секретарь приготовился записывать.

– Верещагин...

– Это я? – проблеял молодой человек.

– Если только ты Верещагин... Ну что уставился? Ты о чем задумался, паскудник? – начальница, довольная своей шуткой, расхохоталась. – Ты мне нужен для создания непринужденной атмосферы. Придет знакомый налоговый с восемнадцатилетней дочерью. Поддержишь разговор. Смотри, чтобы без пошлостей!

– Как можно, Вера Мироновна!

– Ну, то-то же! Теперь иди!

Секретарь, плохо скрывая облегчение, удалился. Вера осталась одна. Сняв дорогой пиджак, она прошлась по кабинету.

Итак, в пятницу начинается процесс по убийству известного бизнесмена Макарова. Ее пригласили участвовать в нем в качестве представителя потерпевшего. Богатая вдова и горячие сторонники убитого жаждут законного возмездия убийцам. Они хотят крови... Что же! Они ее получают. Жалко, что нельзя добиться смертной казни. Гуманисты чертовы! Но пожизненное заключение она этой парочке обеспечит.

Вера уже читала материалы дела и даже консультировалась с братом. Перспективы у нее были самые блестящие. Более того, воспоминания о пухленьком конверте с гонораром за ее услуги, спрятанном в глубине потайного сейфа, приятно грели сердце.

Осмотрев почти пустой холодильник, Елизавета сделала неутешительное открытие. Все, что не нуждалось в тепловой обработке, она успела уничтожить. Имелись, конечно, мясные полуфабрикаты, вермишель, крупы и овощи, но управляться с ними Елизавета не умела. До недавнего времени в этом не было необходимости. Все домашнее хозяйство вела Софья Илларионовна, пожилая женщина с добрым, круглым лицом. Для Лизы и ее младшего брата она была еще и няней, близким и родным человеком.

Супруга Германа Андреевича Дубровского, в прошлом музыкальный работник, была просто светской дамой. Эта беспечная, непрактичная женщина имела представление только о нарядах и приемах, но отнюдь не о домашнем хозяйстве и ценах в гастрономе. Вот и Лиза, зная, конечно, что любимые ею курочки жареными по дорогам не бегают, беспомощно вертела теперь в руках упаковку крылышек и не знала, как их следует готовить. Почти наяву ощутив неповторимый аромат птицы, приготовленной в духовке с острым соусом, девушка почувствовала себя собачкой Павлова со всеми присущими ей рефлексам. Сегодня она голодной спать не ляжет!

Лиза смутно помнила те нехитрые манипуляции, которые производила с крылышками няня. Помнится, она говорила, что у всякой хозяйки должно быть в запасе достаточно рецептов, чтобы при минимуме времени приготовить вкусное

и аппетитное блюдо. Так вот эти куриные запчасты готовились Софьей Илларионовной почти с молниеносной быстротой. Лиза достала из холодильника острый кетчуп и майонез. Взбила все в однородную массу, обмазала крылышки и сунула их на противень. Секунду подумала, надо ли готовить все это на растительном масле. Рассудив, что в состав майонеза входит этот ингредиент, Лиза посчитала проблему решенной и включила духовку на полную мощность. Прохаживаясь, как лиса возле курятника, она выжидала время. Раздался телефонный звонок.

– Слушаю!

– Это Дьяков Иван Федорович, – представился собеседник. – Вы оставили мне в консультации сообщение с просьбой позвонить. С кем имею честь говорить?

– Это Дубровская Елизавета Германовна. Я защитник Петренко. Нам нужно встретиться, чтобы согласовать общую позицию по делу.

– Что сделать?

– Позицию согласовать!

– А! Ну конечно, конечно... Я знаю массу позиций! А вы какую предпочитаете?

«Странный он какой-то, этот Дьяков!» – удивилась Елизавета, не обратив внимания на его последнюю фразу. Согласование позиций – это необязательная, но крайне желательная часть адвокатского труда, залог будущего успеха. Защитники обсуждают между собой детали грядущего процесса. Недо-

пустимо, если, уподобившись персонажам басни Крылова, Лебедю, Раку и Щуке, каждый адвокат будет тянуть в свою сторону, наплевав на интересы своих коллег. Конечно, бывает и так. Но результаты в большинстве случаев оказываются плачевными. Утомившись наблюдать за борьбой защитников, каждый из которых пытается выгородить своего клиента, взвалив вину за содеянное на его товарища по несчастью, суд решает дело по справедливости. То есть раздает сроки всем поровну, чтобы никому не было обидно!

Вот поэтому Елизавету немного удивил столь легкомысленный подход ее коллеги к делу. Дьяков должен был защищать интересы Перевалова, и, судя по всему, его услуги уже были должным образом оплачены из кармана того же Полича.

– Где и когда? – осведомился адвокат. – Давайте выберем что-нибудь демократичное. Типа «Биг Мастера».

Это был ресторан быстрого питания, аналог московского «Макдоналдса».

– Хорошо. Завтра в два часа.

– Спорим, вы хорошенькая. По голосу слышу! Как я вас узнаю?

«У меня в руках будет моя вставная челюсть», – зло подумала Елизавета. Она терпеть не могла фамильярности в общении.

– Я постараюсь занять столик у окна. А чтобы вам было легче ориентироваться, на мне будет... гм! Ну, хотя бы...

красный шейный платок.

– Потрясающе! До завтра...

Елизавета повесила трубку и только тогда почувствовала запах гари. Она поспешила на кухню, но было уже поздно. Куриные крылышки обуглились еще не до конца, но уже намертво прикипели к противню. В довершение всех бед, стогревший соус превратился в черный дым, такой едкий, что Елизавета вынуждена была прижать к лицу мокрое полотенце. Ужин был испорчен, как, впрочем, и настроение.

«Не стоит расстраиваться, – утешала она себя, наливая в кружку жидкий чай. – Первый блин – всегда комом».

Марина Петренко вздрогнула, услышав настойчивый звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Она никого не ждала в гости. Более того, совсем не желала, чтобы кто-нибудь нарушал ее одиночество. Вот уже почти год, как она стала добровольной затворницей. Конечно, она продолжала работать в одном из самых престижных салонов красоты, отдавая любимому делу все рабочее и большую часть свободного времени. Но, помимо работы, в ее жизни присутствовала только пустота, одиночество и воспоминания о некогда счастливых временах. Тогда их небольшая квартира была гнездышком двух любящих друг друга людей. После ареста Сергея Марина потихоньку отвадила всех старых друзей и назойливых подруг, которые, распивая бесконечные чаи на ее кухне, только усугубляли тоску. Теперь только мать, шумная и неугомонная

особа, сотрясала своим появлением тихую квартиру. Она являлась, как всегда, некстати, заполняла своим огромным телом большую часть свободного пространства и начинала жалеть единственную дочь. После таких визитов Марине больше всего на свете хотелось залезть на стенку и выть, подобно голодной волчице. Вот и теперь, подбираясь на цыпочках к входной двери, девушка подумывала, стоит ли обнаруживать свое присутствие или же все-таки сделать вид, что ее нет дома.

Взглянув в глазок, она очень удивилась, но дверь отворилась. На пороге стоял Полич.

– Добрый день, Мариночка. Можно к вам? Клянусь, я ненадолго.

Марина не особо желала общаться с начальником своего мужа, но законы гостеприимства не позволяли захлопнуть перед его носом дверь.

Виктора Павловича она знала и раньше. Больше того, она ему симпатизировала, что, впрочем, было неудивительно. Приятный, веселый, заряжающий все вокруг какой-то праздничной энергией, этот человек был желанным гостем на любой вечеринке. Марина с удовольствием слушала его нескончаемые истории из собственной жизни, в которых он всегда выглядел смешным, неуклюжим и до крайности неважничавшим. Виктор Павлович охотно выставлял себя на посмешище, но в глазах окружающих приобретал, как это ни парадоксально, только благодарных, сочувствующих ему слуша-

телей. Его таланты были неистощимы: он прекрасно играл на гитаре и пел; профессионально готовил грузинские блюда; великолепно играл в волейбол. В его открытом доме побывали многие знаменитые люди, включая политиков, звезд эстрады и удачливых бизнесменов. Людей тянуло к нему, как магнитом. Секрет его успеха был прост: открытость, дружелюбие, бешеная любовь к жизни и ко всем людям, населяющим необъятную Россию. Впрочем, поговаривали, что даже заезжий негр, исполнитель никому не понятных и не нужных на Урале африканских танцев, проникся к Поличу безграничной симпатией. Он весьма настойчиво приглашал Виктора Павловича к себе на родину охотиться на слонов. Их общению не мешала даже одна нешуточная деталь: ни тот, ни другой не знали ни слова на языке собеседника. Но уже под конец вечера Полич дружески хлопал по плечу чернокожего друга, а Мумба-Юмба дарил своему русскому брату какие-то разноцветные бусы.

Но все это было в прошлом. А в настоящем Марине визит этого человека был в тягость.

Полич расположился на диване и сразу же перешел к делу: – Не буду выражать тебе свое сочувствие. Думаю, что в этом нет смысла. Лучше давай обсудим наши текущие дела. В пятницу начинается процесс по делу Сережи. Я встретился с адвокатами и полагаю, что мы должны надеяться на лучшее. Шансы у нас есть!

Полич на секунду задумался. Говоря про шансы, он, ко-

нечно, малость приврал. Но, на его взгляд, это была святая ложь. Он видел, как тяжело воспринимала Марина беды, свалившиеся на их безоблачное семейное счастье. Невыносимо было видеть, как ее бесподобные синие глаза заволокла грусть, а легкие серые тени притаились под пушистой кромоккой нижних ресниц и на висках.

Услышав что-то про шансы, Марина встрепенулась:

– Вы на самом деле так считаете?

– Мариночка, давайте не будем раскисать. Мы сделаем все возможное, мы будем бороться. Для этого у нас есть масса возможностей! Вначале – процесс. Если не повезет – займемся кассацией. Не поможет эта инстанция – будем добиваться справедливости в порядке надзора. Найдем лучших адвокатов в Москве, будем бомбить Верховный суд! Не поможет – пожалуйста, сделаем другие попытки. Помилование, амнистии. Опять нет – тогда договоримся с администрацией учреждения, где он будет отбывать наказание. Небольшая материальная помощь – и они пойдут нам навстречу! Сократим до минимума его пребывание в заключении. Освободим его по болезни или за примерное поведение... Хотите, организуем побег! Как пожелаете.

Марина с удивлением обнаружила, что она начала улыбаться.

– Вот так-то лучше! Помните, дорогая, Сергею вы нужны живая и здоровая. Ну подумайте, выйдет наш герой на свободу, а там его встречает ссохшаяся, как церковная свечка,

жена. Не годится это!

– Виктор Павлович! А что насчет адвокатов, они квалифицированные? Мне показалось, что Дубровская очень молода...

– Молодость, как говорится, это недостаток, который быстро проходит. Ты не смотри, что она еще совсем девчонка... Мне ее посоветовал Семен Грановский. А знаешь, кто это? Один из «золотой десятки» лучших адвокатов России! Его рекомендации многого стоят.

– Еще бы мне не знать Грановского! Он ведь вел дело Сергея на следствии. Все же, мне думается, у него было бы куда больше шансов, чем у этой Дубровской.

– Увы! Мариночка, я сделал, что смог. Но Семен Иосифович болен, и болен серьезно. Так что этот вариант даже рассматривать не стоит. Я уверяю тебя, Дубровская сделает все, как надо.

– А что у Перевалова?

– У Перевалова все отлично! Его адвокат Дьяков очень знающий и опытный специалист. Я уверен, что он хорошо изучил дело и принесет нам немало пользы. Не забывай, Перевалов и Петренко связаны одной веревочкой в этом деле. Оправдание одного, как нитка за иголкой, повлечет оправдание другого. Им же вменяют в вину действия организованной группой.

– Господи, Виктор Павлович! Что бы мы делали без вас? Скажу честно, вы вселили в меня надежду, – голос Марины

был искренен.

– Приятно слышать! Но, Марина, услуга за услугу. С этого дня я беру над вами шефство. Я не допущу, чтобы жена одного из моих лучших друзей превращалась в развалину. Вы согласны?

– И как вы это себе представляете?

– Я буду силком вытягивать вас на всякие мероприятия. Попрошу не сопротивляться! Но не думайте ничего плохого, Марина. За вами остается полная самостоятельность в принятии решений и возможность всегда заявить: «Идите вон!» Что скажете?

Что она могла сказать? Подумав пару минут о том, не будут ли выглядеть ее вылазки из дому предательством по отношению к Сергею, она поначалу решила отказаться. Но потом, вспомнив про свои одинокие вечера, она почувствовала, что ей невыносима уже сама мысль о них. В конце концов, что плохого в том, что раз в неделю она выпьет чашечку кофе где-нибудь в кафе с его другом. Кроме того, обижать человека, который столько сделал для их будущего с Сергеем счастья, было бы откровенным свинством.

– Да, конечно... Я согласна, – улыбнулась она.

Елизавета примостилась за удобным столиком у окна с видом на Большой проспект. Она огляделась и тут только поняла, какую совершила глупость. Согласно телефонной договоренности с Дьяковым на ней был алый шарфик, по которо-

му Иван Федорович должен был выделить ее из присутствующих. Но обязательным атрибутом работников «Биг Мастера» был красный галстучек. Таким образом Елизавета благополучно замаскировалась под тинейджера, и если бы ей в руки дать щетку и совок, а на голову водрузить синюю кепочку, никто не смог бы отличить ее от персонала ресторана быстрого питания. Не на руку ей был в данной ситуации и ее весьма моложавый вид. Небольшой рост, субтильная комплекция, юные озорные глаза никак не соответствовали солидному званию адвоката. Не мог ввести в заблуждение даже подчеркнуто строгий деловой костюм, поднятые вверх густые темные волосы и неприменные каблуки-шпильки, делающие девушку на несколько сантиметров выше.

Лиза отщипнула кусочек от чизбургера и уставилась на щебетавшую стайку посетителей, направлявшихся к стойке заказов. Интересно, как он выглядит? Дубровская уже составила условный портрет своего коллеги, и ей хотелось узнать, далека ли она от истины. Наверняка он немолодой, толстый и самодовольный. А еще, возможно, у него лысина. От кого-то она слышала, что Дьяков работал когда-то начальником следственного отдела в одной из районных прокуратур. Выслужив пенсию, он легко попрощался с любимой работой и переметнулся в стан врага. Отбросив бывшие моральные принципы непримиримого борца с криминалом, он ловко встал на новые рельсы и ринулся уже в обратном направлении.

Используя свое прошлое, Дьяков весьма успешно строил себе новый имидж «адвоката со связями». Клиенты клевали на его красноречивые заявления и твердые обещания. Самым несговорчивым Дьяков показывал фотографию, где он, в свою бытность начальником отдела, был изображен за праздничным столом с прокурором области. После такого ломались уже все. Он вел бессчетное количество дел, но с качеством у него были некоторые проблемы. После приговора разъяренная толпа родственников осужденного бывало подкарауливала его для самой жестокой расправы. Но ему все сходило с рук. Сделав умное лицо, он неизменно заявлял: «А что вы хотели, уважаемые? Ваш сын (отец, брат, сват, любовник) получил по минимуму! Смотрите санкцию статьи». После этого родственники долго обдумывали загадочную фразу, а виновник исчезал из их поля зрения, чтобы уже завтра говорить эти же слова кому-нибудь другому.

В зал вбежал маленький щуплый человечек в плотном, не по погоде, костюме, с толстой папкой для бумаг под мышкой. Оглядев зал, он пришел в замешательство. Елизавета сразу сообразила, что его сбила с толку униформа персонала. Она приветливо помахала ему рукой. Мужчина, заметив Дубровскую, облегченно вздохнул и быстро пересек зал.

– Дубровская? – осведомился он и, получив положительный ответ, расцвел улыбкой Чеширского кота. – *Bellissima!* У меня только десять минут. Увы! Меня ждут дела. Не могу обмануть доверие людей. Даже из-за такой красоты, как вы!

Десять минут?! Но что можно сделать за такое время?

– Я боюсь, этого недостаточно. Положение наших подзащитных очень серьезно, – осмелилась возразить Елизавета.

– А кто спорит? Но согласитесь, бедная старушка тоже ни в чем не виновата.

– ?!

– Да, да! Прежде чем убивать бабулю, им надо было думать своей головой. Лично мне их не жаль!

– Позвольте, какая бабуля? – пробормотала Елизавета. – Я вроде бы прочитала все дело до корки, но бабушек там не было. Возможно, я невнимательно...

Дьяков хлопнул себя по лбу:

– Pardon! Извините, дорогая! Я перепутал. Конечно, речь идет о разбойном нападении на магазин дубленок. Нет?

– Это дело вашего подзащитного Перевалова.

– Перевалов? – на минуту задумался Дьяков. – Это один из двух извращенцев. Нет? Постойте! Не говорите. Я попробую угадать. Это тот подлец, который ограбил детский сад?

– Это убийство на Кедровом озере, – подсказала вконец озадаченная Елизавета.

– Ну конечно! Как я мог забыть. Хотя неудивительно. В моем производстве около пятидесяти дел. Все запомнить просто невозможно. Так кого они там убили?

Елизавета уже поняла, что толку от такой беседы не будет, но все же продолжила:

– Убили Макарова, крупного бизнесмена.

– Помню такого, помню! – закивал головой Дьяков. – Что же вы хотите?

– Видите ли, мой подзащитный собирается заявить в суде, что они с Переваловым поехали на Кедровое озеро по грибы. Потом, когда уезжали, натолкнулись на группу людей с ружьями. Не стали останавливаться, потому что побоялись...

– По-моему, логично. А вам что-то не нравится, моя красавица?

– Но как мы будем объяснять, почему на джемпере вашего подзащитного обнаружены продукты выстрела; а в автомате – шерсть собаки моего Петренко? Почему они, в конце концов, не остановились по требованию сотрудников ГИБДД?

– А мы ничего доказывать не обязаны! Не слышали такую прописную истину? Доказывать будет прокурор.

– Но так как же...

– Десять минут истекли. Прошу прощения! Скажу по секрету, дорогая, вам потрясно идет этот красный платок!

Дьяков, подхватив под мышку увесистое собрание деловых бумаг, послал Елизавете воздушный поцелуй и растворился, как утренний сон. Дубровская же, огорченно смотря ему вслед, поняла, что надеяться ей придется только на свои силы. Но, чего греха таить, силы эти были совсем никудышными!

В мечтах Елизавета всегда видела себя звездой своей профессии. Громкие дела и не менее громкие аплодисменты в

ее честь; хитросплетенная интрига уголовных дел и не менее хитрый защитник, с ловкостью фокусника распутывающий клубок человеческих страстей; внушительные гонорары и широкая известность... Увы! Реальность была куда как беднее этих грез. Российский уголовный процесс не предполагал неожиданных поворотов событий, как иногда случалось в американских фильмах. Суд присяжных вершился пока только в некоторых регионах, а обычный порядок уголовного судопроизводства был часто предсказуем и небогат на сенсации. Если и случались победы адвокатов, то в основе их лежали либо счастливое стечение обстоятельств, либо сомнительные способы защиты. Но Дубровская была молода, крайне самонадеянна и твердо верила, что какие-то перемены в скором будущем все равно произойдут.

Рассматривая свое отражение в зеркале, Лиза понимала, что ее образу недостает какой-то респектабельности. Нет, боже упаси! Она не хотела быть старше, но ее деловой имидж нуждался в некоторой доработке. Необходима была деталь, подчеркивающая ее индивидуальность, которая стала бы фирменным знаком, чертой, отличающей от других представителей ее профессии. Будучи девушкой начитанной, Лиза перебрала в уме всю соответствующую литературу и даже заглянула в кинематограф. У Шерлока Холмса была скрипка, У Мегрэ – трубка, у Коломбо – мятый плащ. Конечно, это были сыщики, и все они были мужчины. Но девушку это не смущало.

Понятно, что трубка или даже сигарета ее бы мало украсили, мятая юбка и пиджак – тоже не лучший вариант. Может, сделать какую-нибудь немислимую прическу или татуировку на видном месте? Повертевшись перед зеркалом и так и эдак, Елизавета сделала вывод, что у нее весьма романтическая наружность: выразительные карие глаза с золотистыми искорками; удивительная кожа, не бледная, а именно ослепительно белая; по контрасту – темно-каштановые волосы до плеч; красивое миниатюрное тело. Если бы ей прибавить росточка, не меняя, впрочем, иных пропорций, она смело бы вышагивала по подиуму. Но теперь только каблуки устрашающей крутизны помогли ей чувствовать себя полноценно рядом с длинноногими девчонками-бройлерами. Понятно, что при такой внешности нечто экстремально-радикальное было бы не к месту. Лиза малость повздыхала и остановила свой взгляд на красном шейном платке, в котором она была накануне. В конце концов, платки можно менять. Они красивы, необычны и, глядишь, какой-никакой аксессуар, способный выделить ее из толпы.

Она проверила, все ли у нее в порядке, побрызгалась любимыми духами и помчалась навстречу неожиданностям. Сегодня был первый день процесса, в котором она, Лиза Дубровская, выступает как платный адвокат, а не как назначенный защитник. Дубровская и собиралась показать себя с лучшей стороны.

Областной суд по праву считался одним из лучших в стране. Над отделкой его залов судебных заседаний, просторных холлов и светлых коридоров трудились, видимо, немало дизайнеров. Выдержанное в строгом классическом стиле с обилием мрамора и дерева, здание Дворца правосудия поражало своей монументальностью. Леденила кровь и статуя слепой Фемиды, воздвигнутая напротив центрального входа. Никто из посетителей не мечтал оказаться на ее весах. Более того, меч в руках богини красноречиво свидетельствовал: со мной шутки плохи!

Елизавета, показав удостоверение судебным приставам, поспешила к залу заседаний. Огромная толпа свидетелей, потерпевших, просто сочувствующих наполнила холл. Пресса уже просочилась в эту кашу, и теперь необычайно яркая, как птичка колибри, журналистка вела опрос присутствующих.

– Я не ожидаю сюрпризов, – говорила вальяжная дама в бесспорно дорогом костюме. – Все ясно и понятно. На скамье подсудимых – убийцы. Думаю, защита будет вести речь только о мере наказания. Вопросы вины и невиновности здесь рассматриваться не будут. Картина преступления – очевидна. Но я и моя коллега, выражая в этом процессе интересы потерпевших лиц, которые потеряли близких и родных людей, будем стремиться к тому, чтобы наказание стало для виновных максимально суровым.

Дубровская вздрогнула. Да это же известная Савицкая

Вера Мироновна! Впрочем, чему тут удивляться? Убитый Макаров – фигура легендарная, несомненно, популярная и неоднозначная. Вполне понятно, что его родственники и знакомые, потеряв надежную опору и кладезь материальных благ, желают во что бы то ни стало наказать виновных. Им мало прокурора, им нужны по-настоящему заинтересованные люди. Вот они и выбрали знаменитую Савицкую. А ей палец в рот не клади – откусит ко всем чертям. Лиза тихо застонала. Похоже, они с озабоченным Дьяковым станут легкой закуской перед основным блюдом – Петренко и Переваловым. Ну, Дьякову, положим, море по колено. Стоит, улыбается и почему-то показывает пальцем в сторону Елизаветы. А сам наверняка уже забыл фамилию своего подзащитного.

К Елизавете стремительно подлетела дамочка-журналистка. Смерив ее с головы до пят изучающим взглядом, она на секунду задержалась на алом шейном платке, но тут же выпалила:

– Виолетта Скороходова, газета «Вечерний Урал». Что вы можете сказать о грядущем процессе?

– Комментариев не будет! – решительно отрезала Дубровская.

Это, по всей видимости, не понравилось журналистке. Уничтожив адвоката презрительной гримасой, Виолетта черкнула что-то на листке бумаги и гордо удалилась. Лиза терпеть не могла таких особ. Разряженная, с претензией на

неповторимость и светскость, дамочка явно страдала отсутствием меры. Слишком яркая блуза, чересчур броский макияж, какие-то цепи, браслеты, заколки раздражали собеседника и явно диссонировали с обстановкой в этом судебном заведении.

К Лизе поспешили Марина Петренко и Полич.

– Готовы к бою? – ободряюще подмигнул Виктор Павлович. – Тогда с богом!

– Сегодня боя не будет. Прокурор начнет оглашать обвинительное заключение. Главное – еще впереди.

Лиза волновалась и тайно желала, чтобы период неопределенности продолжался и дальше. Эти люди, хотя и понимают тщетность усилий защиты, но все же верят в чудо. Но этого чуда не произойдет. Как она будет смотреть им в глаза, когда зачитают приговор? Страшно! Дубровская хотела выглядеть уверенной, но улыбка предательски сползала с лица. Увидев, что двери зала открыли, она облегченно вздохнула и направилась к своему рабочему месту.

Подсудимые уже смиренно сидели в клетке.

Елизавета подошла к Петренко.

– Как настроение? Будем бороться?

Тот буркнул:

– Не смешите! Скажите лучше, Марина здесь?

– Конечно. Только она – свидетель и поэтому присутствовать в зале до своего допроса не сможет. Зато здесь Полич.

Сергей оглядел зал и, встретившись взглядом со своим

бывшим патроном, поднял для приветствия руку.

– Королева моя! Ваша красота ранит мне сердце, – придвинулся к Елизавете Дьяков.

– Я тоже от вас без ума, – зло пробормотала Дубровская.

– Встать! Суд идет! – раздался голос секретаря.

Судья в сопровождении двух народных заседателей – маленькой сгорбленной старушки и почтенного дедка – прошла на место. Это была небезызвестная судья Фрик, женщина стальной выдержки, твердых моральных устоев, начисто лишенная всяких сантиментов. Одним словом, на принадлежность к женскому полу указывали только имя и отчество. Фамилия и внешний вид Фрик были совершенно неопределенными. Исполинского роста, крепкая, как дуб, с заметной линией усов над верхней губой, судья вселяла оторопь во всех участников процесса, откровенно побаивавшихся ее едких комментариев и колючего взгляда глаз-буравчиков.

– Решим некоторые организационные вопросы, – возвестил ее громоподобный бас. – Особенно это касается адвокатов. Процесс рассчитан не на один месяц. Поэтому я не потерплю срывов. Другие дела и другие клиенты, а также здоровье – это ваши проблемы. Суд они касаться не должны. Прогоул будет расцениваться как вызов, опоздание – как провокация. И поверьте мне, я умею укрощать даже самых строптивых.

«Боже мой! У нее, наверно, даже месячных не бывает!» – в ужасе подумала Елизавета. Как хорошо, что она не загру-

жена делами. А вот Дьякову придется несладко. С его про-
рвой дел он неминуемо нарвется на судейскую немилость.
Словно читая мысли Елизаветы, Дьяков обеспокоенно за-
елозил на месте.

Выполнив некоторые необходимые процедуры, суд пере-
шел к чтению обвинительного заключения. Прокурор Илю-
шин, молодой и, видимо, не намного опытнее Елизаветы, хо-
рошо поставленным голосом начал перечисление инкрими-
нируемых подсудимым деяний.

Елизавета огляделась. Зал был полон. Масса лиц заинте-
ресованных, злобных, сочувствующих, просто любопытных
и ни одного равнодушного. Дубровская кожей чувствовала,
что сторонников потерпевших в зале неизмеримо боль-
ше. Они напряжены, внимательно ловят каждое слово, они
жаждут мести. Самодовольная Савицкая слегка улыбается.
В этом процессе ее задача не будет сложной. Фактически она
дублирует прокурора. Чем больше суд даст Петренко и Пе-
ревалову – тем больше ее успех.

– Решается вопрос о порядке исследования доказательств.
Какие будут предложения?

Прокурор прокашлялся:

– Начнем с допроса свидетелей, потерпевших, затем ис-
следуем письменные доказательства... Короче, предлагаю
традиционный порядок.

– Защита не возражает? Может, подсудимые желают дать
показания в самом начале судебного следствия?

Елизавета решилаь:

– Нет, ваша честь. Лучше это сделать после того, как обвинение закончит представлять свои доказательства.

Судья хищно улыбнулась. Кажется, она уловила неуверенность молодого адвоката. Лизу же понять было можно. Она рассчитывала, что Петренко с Перваловым, выслушав целый ушат информации от свидетелей обвинения, не будут столь легкомысленны, а придумают нечто более разумное, чем поход по грибы в день убийства.

– Перерыв до понедельника! – рявкнула Фрик и в сопровождении своих пенсионеров покинула зал.

На следующее утро, едва очнувшись, Елизавета почувствовала приятный запах. Усевшись на постели, она повела носом... и подпрыгнула от радости. Конечно, это могли быть только знаменитые нянины пироги. Софья Илларионовна была настоящей мастерицей по выпечке. Пироги с рыбой, кулебяки, беляши, слоеные пирожки с яблоками, ватрушки с творогом, да мало ли что еще, получались у нее одинаково хорошо. Неудивительно, что Елизавета, оголодавшая за период своего самостоятельного существования, вихрем помчалась по коридору, забыв надеть даже тапочки.

– Ой, няня! С чем пироги? – выпалила она с ходу.

– Я тоже рада тебя видеть, – укоризненно сообщила ей Софья Илларионовна.

– Прости. Как дела? Вы надолго?

– Хотелось бы навсегда. Господи, доченька! Ты не представляешь, во что превратились мои руки! – жаловалась мать, одновременно подпиливая ногти, которые от сельскохозяйственных забот превратились черт знает во что.

Елизавета вспомнила, какими ухоженными были руки матери, когда был жив отец. Обязательный маникюр, массаж, всевозможные ванночки и кремы, а потом, конечно, украшения: кольца, браслеты... Боже мой! Это было, казалось, в иной жизни. В том мире, где весело смеялась беззаботная Лиза, где красивая и беспечная мать Елизаветы щеголяла в потрясающих нарядах, где они были желанными гостями на любом мероприятии – губернаторском приеме, рождественской вечеринке, благотворительном балу...

– Лизонька, детка! – голос няни вернул ее в реальность. – Ты не скажешь, дорогая, что это я обнаружила на противне?

Лиза покраснела. В спешке она забыла убрать за собой, и теперь обуглившиеся, как клиенты крематория, куриные крылья неммым упреком топорщились в ее сторону.

– Знаешь, я не могу их ничем отодрать, – пожаловалась няня.

– Возьми «Комет», – пожалала плечами мама. Она явно не видела тут проблемы.

Софья Илларионовна вздохнула. Ее усилия по приобщению светской семейки к нормальной жизни не имели пока никакого успеха. Прежние запасы хозяйственных принадлежностей растаяли, а на новые – не было денег.

– Садись пить чай, – пригласила няня. – Да заодно почи-тай свежую газетку. Кажется, там что-то есть про тебя. К со-жалению, мы ничего с мамой не поняли.

Забравшись на высокий барный стульчик, Елизавета при-двинула к себе большую чашку с чаем, блюдо с ватрушка-ми. Поспешно вонзив зубки в ароматную выпечку, девуш-ка, пробежав глазами газетную страницу «Вечернего Урала», нашла рубрику «Криминальная хроника». Просмотрев ста-тейку, она нахмурилась, отставила в сторону ватрушки и на-чала, чуть ли не по слогам, ее перечитывать.

«... состав действующих лиц и исполнителей судебного спектакля по делу об убийстве Виталия Макарова трудно назвать однородным. Представьте пеструю толпу, негодую-щую, возбужденную, замершую в предвкушении представ-ления. Наконец появляется живописная группа представи-телей потерпевших. Особенно выделяется несравненная Са-вицкая. На ней – короткий жакет от „Chanel“ из шелкового крепа цвета экры с отделкой синего, белого и красного от-тенков, белый кожаный пояс и юбка в складку; на ногах – туфли-лодочки на каблуках с декорированной стразами по-дошвой „Valentino“, в ушах – серьги „Christian Dior“. Она гордо демонстрирует свои потрясающие наряды. Савицкая – воплощение элегантности и умения жить! Рядом с ней вто-рой представитель потерпевших, Аглая Каменецкая... Тоже адвокат, член юридической конторы „Вера +“. Одета проще, но это неудивительно (она на вторых ролях). Костюм из льна

и органзы, сорочка из хлопчатобумажного поплина, туфли без задников из кожи с заклепками...»

Елизавета скользнула глазами дальше. Дурдом какой-то!

«...не безнадежен и прокурор. Конечно, его костюм – это не шедевр от „Corneliani“, но ненавязчивый аромат „Burberry“ говорит о том, что, возможно, молодой человек находится в поисках собственного стиля...» И дальше:

«Вопиющая безвкусица – вот единственно точное выражение, подходящее к защитникам подсудимых. Плохо сидящий костюм от российской фабрики „Красный маяк“ на защитнике Дьякове, по всей видимости, достался ему от отца, бывшего председателя партячейки на местном мукомольном комбинате... Что касается адвоката Дубровской, то классическая комбинация черного и белого цветов ее одежды весьма банальна. „Светлый верх – темный низ“ – именно так одевались наши мамы, будучи комсомолками. А алый шейный платок, видимо, претензия на индивидуальность, до боли похож на рудимент ушедшей от нас советской эпохи – пионерский галстук. По всей видимости, обладательница столь странного туалета совсем недавно покинула этот нежный возраст, и в ее памяти еще свежи дробь барабана и пионерские речевки. Хочется надеяться, что ее юридическая помощь будет хоть в чем-нибудь полезна подсудимому. Увы! По одежке встречают, по уму провожают...»

– О чем, ради всего святого, она толкует?! – воскликнула Елизавета.

– Мы думали, ты нам пояснишь, – хмыкнула мать. – Кстати, о каком таком платке, пионерском галстуке, эта чокнутая журналистка ведет речь?

– Да не все ли равно, – поморщилась Лиза. – Взяла в твоём шкафу...

– Так это же «Gucci»! – почти вскрикнула мать. – 250 долларов его цена. Лизонька, ты должна потребовать опровержения!

– Вот этим я и займусь в ближайшее время, – проворчала Елизавета.

Ее ничуть не огорчила нелестная оценка ее внешнего вида. Но совершенно непостижимая логика журналистки, связывающая воедино наличие лейблов известных фирм на одежде и деловую репутацию адвоката, возмущала до глубины души.

Елизавета усмехнулась: «В этой ситуации больше всех повезло судьбе. Про нее госпожа Скороходова не сказала ни слова. Если, конечно, следовать ее больной логике, то игнорирование Фрик достижений современной эпиляции да старомодный покрой мантии – проявление жуткого непрофессионализма».

В понедельник большая группа людей в серой форменной одежде наводнила второй этаж областного суда.

– Что здесь происходит? – шепотом осведомилась Елизавета у Дьякова. – Я пропустила что-нибудь важное?

– Да нет, cherie, все интересное только впереди. Видела автобус возле здания суда?

Елизавета наморщила лоб:

– Грязный такой, вонючий... Встал напротив входа, не обойти не объехать.

– Верно. Так вот в нем всех ментов-свидетелей доставили. Чувствуется, сегодня будем допрашивать их до ночи.

– Пойдите! Это вся команда, которая участвовала в задержании Петренко и Перевалова?

– Так точно, моя радость! А ты сегодня почему без платка?

Елизавета покраснела. Ей не хотелось признаваться, что глупейшая статейка в «Вечернем Урале» задела ее самолюбие. Но Дьяков понял все без слов. Он плотоядно улыбнулся, а Дубровская, стараясь скрыть свое замешательство, принялась с преувеличенным усердием раскладывать на столе деловые бумаги.

Допрашивали работника ДПС Плаксина. Не в пример своему товарищу, флегматичному Толстикovu, на которого чуть не наехали лихие гонщики в тот августовский день, Плаксин чувствовал себя в суде как рыба в воде. Чрезвычайно эмоционально он живописал памятное событие. Милиционера можно было понять. Он стал свидетелем эпизода, который вполне мог бы украсить любой отечественный боевик. Убийцы в машине, погоня, стрельба... Поэтому Плаксин немного перебарщивал по части эмоций: махал руками, театрально

округлял глаза, даже подпрыгивал на месте.

– Скажите, свидетель, – обращалась к Плаксину Савицкая. – На ваш взгляд, автомобиль, в котором ехали подсудимые, представлял реальную опасность для вашего товарища Толстикова?

– А я про что тут вам уже полчаса толкую! – возмутился свидетель. – Подумайте, мчится машина. Скорость огромная! Толстиков стоит посередине дороги. С жезлом. Требуется остановиться. А машина мчит прямо на него. Еще мгновение – бац! – Толстикова могло бы расшибить в лепешку. За этой машиной несется вторая. У-у-у! Скорость запредельная. Фьють! И мимо!

– Плаксин! – грозно рявкнула судья. – Хватит! Говорите определенней! Водитель предпринимал попытки объехать Толстикова?

– Никак нет, ваша честь! Если хотите знать, водитель специально направлял машину на моего товарища. Он хотел его сбить! Это я видел по его глазам! Это были глаза человека, который ни перед чем не остановится.

– Подскажите, а вы успели зафиксировать скорость этого автомобиля? – несмело задала вопрос Дубровская.

– Так точно! – гордо отрапортовал Плаксин. – Скорость – сто сорок!

– Это высокая скорость?

– Очень! Учитывая ограничение на этом отрезке дороги – шестьдесят километров в час, скорость страшно высокая!

– И вы утверждаете, что при такой высокой скорости вы рассмотрели выражение лица водителя, вернее, его глаза?

– А почему бы нет? – не хотел сдавать своих позиций свидетель.

– Да потому, что вы не могли этого сделать! Он пронесся мимо вас подобно ракете. Я сама вожу автомобиль...

– Адвокат Дубровская, – резко прервала Елизавету судья. – Мы здесь не для того, чтобы выслушивать истории из вашего опыта вождения автомобилей.

– Хорошо, ваша честь! Я задам еще вопрос. Скажите, а водитель подавал вам какие-нибудь сигналы?

Плаксин напряг память. Ну конечно! Водитель подавал какие-то знаки. Они с Толстиковым это прекрасно видели. Помнится, еще пытались сообразить, кто из знакомых их так приветствует. Плаксину повезло, он стоял на обочине. Толстиков же прогуливался с полосатым жезлом прямо по проезжей части. Когда железное чудище о четырех колесах чуть не сшибло его, бедняга за считанные секунды вспомнил всю свою незамысловатую гаишную жизнь и даже успел послать близким прощальные приветы. Во всяком случае, Толстиков сам рассказывал об этом товарищу, потирая ушибленную попу, на которую он чудесным образом катапультировался, избежав неминуемой гибели.

– Да. Водитель сигналил фарами и даже помахал руками.

– Что это, по-вашему, означало?

– Да шут его знает! Может, что-то типа приветствия.

– А не могло это означать: «Поберегитесь! Отойдите в сторону. Не вмешивайтесь!»

Плаксин несколько раз глупо хлопнул глазами:

– Нет!

– Почему?

– Как «отойдите в сторону»? Мы же из ДПС!

Елизавета удивилась, но продолжала гнуть свою линию:

– А по-моему, таким образом водитель красноречиво дал понять, что не желает причинить вреда Толстикovu. Он просил его, всеми доступными ему способами, уйти с дороги.

– Дубровская! – одернула Лизу Фрик. – Суду не нужны ваши комментарии.

– Женская логика! – снисходительно улыбнулся Плаксин.

– Оставь его в покое! – зашипел Лизе Дьяков. – У него одна извилина, да и то – след от фуражки!

– Вот вы говорите, водитель мог объехать Толстикова. Скажите, а легко ли объехать препятствие на столь высокой скорости?

– Не пойму, о чем речь?

– А речь про то, что, если бы водитель резко поменял траекторию движения на такой скорости, он мог бы не справиться с управлением и улететь под откос. Он же не Шумахер, да и возможности нашей отечественной машины не столь велики!

– Вот вы бы улетели... Все бабы за рулем похожи на обезьяну с гранатой. Не знаешь только, куда она ее кинет и в

какой момент. А с мужиками никогда ничего подобного не происходит, – обиженно засопел свидетель.

– Довольно! – гаркнула Фрик, прямо-таки позеленев от злости. Неизвестно, что ее больше достало: то ли обидная реплика свидетеля (а судья, между прочим, была заядлой автомобилисткой), то ли настырность молодого защитника, пропускавшего недовольство судьи мимо ушей. – Замечание свидетелю в протокол! Еще одна подобная реплика, и я гарантирую вам штраф за неуважение к суду.

– Но я не оскорблял суд! – завопил Плаксин.

– Молчать! А вам, адвокат Дубровская, я не знаю на каком языке объяснять правила ведения допроса. Вообще этому учатся в институте. Не так ли? Есть еще вопросы?

– Нет, ваша честь! – потупилась Елизавета.

Свидетель Волгин, командир взвода ППС Правобережного РУВД, надувался как индюк. В его тоне проскальзывали недовольные нотки, когда он отвечал на вопросы дотошного молодого защитника. Для себя он решил, что эта девица, по всей видимости, совсем зеленая и сама не знает, чего хочет. Он искоса поглядывал на судью, надеясь, что она прекратит эту бессмысленную экзекуцию:

– Я действовал строго в рамках закона «О милиции». Да, я использовал автомат, но это было вызвано необходимостью. Автомобили, приближаясь к стационарному посту ГАИ, не сбавили скорость, никак не прореагировали на требование

остановиться. Что мне оставалось делать?

– Но я правильно поняла, стрелять вы стали еще до того, как автомобили подъехали к посту? – спрашивала Дубровская.

– Конечно! Только я стрелял в воздух. Должен же я был привлечь их внимание.

– Странно! А я думала, что для этого существует жезл, – пробормотала Елизавета, но, встретившись с колючим взглядом судьи, поспешила задать следующий вопрос.

– И что было дальше?

– Дальше я производил стрельбу по колесам автомобилей.

– Попали?

– Да... Почти... Вообще, я стреляю очень хорошо. Призер многих соревнований. А тут, в самый ответственный момент, мне в глаз что-то попало.

– Короче, вы промазали? – без обиняков спросила Елизавета.

– Нет! – недовольно ответил Волгин. – Я попал в брызговики.

– Судя по материалам дела, это были не последние ваши выстрелы. Когда вы еще стреляли?

– Не понимаю, о чем вы?

– Когда все задержанные из машин уже лежали на земле, вы стреляли из автомата. Зачем?

– Во-первых, я стрелял вверх. А во-вторых... во-вторых, они как-то неправильно лежали. Одни кричали на других,

обвиняя их в убийстве. Другие вопили, что их самих хотели застрелить. Ну я и дал коротенькую очередь для порядка. Все сразу успокоились.

– Значит, люди лежат на земле с руками за спиной. Вы даете автоматную очередь над их головами. Для чего? И как это соответствует закону «О милиции»?

– Всего в законе не напишешь, – произнес Волгин с видом оскорбленной добродетели.

– Дубровская, освободите нас от своих комментариев, – голосом, не предвещающим ничего хорошего, молвила Фрик. – И будьте так любезны, поближе к делу...

– Вы участвовали в досмотре подсудимых?

– Да, я производил личный обыск каждого. Кроме того, я досматривал машину. Именно я нашел резиновую перчатку. Белую такую, хирургическую.

– Она была целая?

– А как же...

– Значит, вы ее брали в руки?

– Я? Нет, не брал.

– А как же вы ее осмотрели?

– Я ее не осматривал.

– Но вы ведь только сейчас сказали, что перчатка была целая. Значит, вы ее осмотрели.

Волгин почесал голову:

– Что-то вы меня запутали, адвокат. Не брал я перчатку.

– Почему тогда вы решили, что перчатка целая?

– А какой резон, скажите, с собой рваную перчатку возить? – произнес Волгин, чрезвычайно довольный своей железной логикой.

– Нет вопросов, ваша честь, – сообщила Елизавета, решив для себя, что переупрямить работника милиции ей все равно не удастся.

Следователь прокуратуры Сабитов, затесавшийся в ряды милиционеров, обстоятельно давал показания суду. Когда же начала задавать вопросы Дубровская, он, как по мановению волшебной палочки, превратился в некое подобие преподавателя, разжевывающего туповатой, но смазливой студентке прописные истины.

– Да, уважаемый адвокат. Подногтевое содержимое подозреваемых – это важный материал для экспертного исследования. У Первалова и Петренко были произведены срезы ногтей. В материалах дела есть протоколы выемки и заключения экспертиз. Вы почитайте.

– Я читала, – сказала Елизавета, почувствовав, что краснеет. – А для какой цели вы производили смывы с рук и с ноздрей подсудимых?

– А это, уважаемая, тоже важный объект для исследования. Ну как вам лучше объяснить... Вы, вероятно, не так давно закончили институт и поэтому должны помнить некоторые сведения из курса криминалистики. Так вот, во время стрельбы на одежде, а также на лице и руках стрелявшего

оседают продукты выстрела. Делая смывы из правой и левой ноздри подозреваемых, мы имели целью обнаружить в их содержимом вещества, характерные для выстрела. И вот тогда, с большой долей уверенности, можно было бы делать выводы о причастности подозреваемых к убийству. Смывы делаются на марлевые тампоны, упаковываются надлежащим образом и направляются на...

– Ну и как, удалось что-нибудь обнаружить? – перебила его Лиза.

– В подногтевом содержимом и смывах ничего интересного не обнаружили, а вот на одежде Перевалова... Впрочем, ознакомьтесь с заключением эксперта.

– Спасибо, я знакомилась. А почему, как вы думаете, экспертиза ничего не обнаружила на марлевых тампонах и смывах с рук? По вашим словам, следы выстрела там должны были отложиться обязательно.

– Ну вот что, дорогая! По-моему, вы путаете допрос следователя с допросом эксперта, – потерял терпение Сабитов. – У меня нет желания читать вам лекцию по криминалистике и уголовному процессу. Не обнаружили, и все... Но на одежде следы этого вещества... Черт, запомнил его название...

– Дефиниламин, – подсказала Елизавета.

– Точно! На одежде подсудимого этот дефили... черт! Дефо... короче, эта хреновина обнаружена. По-моему, все ясно. Этот факт полностью подтверждает, что Перевалов стре-

лял. А если собрать все иные доказательства, станет ясно в кого. А что касается иных ваших вопросов, почитайте на досуге научные книжки. В них масса полезной информации...

Щеки Елизаветы пылали. Ей казалось, что все присутствующие в душе смеются над ней. Судья же, сама не прочь лишний раз одернуть молодого защитника, теперь спокойно наблюдала, как ушлый следователь весьма вольно ведет себя в ходе допроса. Она не прерывала его поучительные тирады и явно испытывала огромное наслаждение от унижения адвоката. А еще в зале находился Полич, который, поверив блестящим рекомендациям Грановского, отдал явно прибыльное дело в руки неопытного защитника. От всех этих мыслей Елизавете хотелось провалиться сквозь землю. Ее коллега Дьяков за весь день не проронил ни слова. Он старательно пачкал тетрадь неразборчивыми каракулями, но со стороны смотрелся, пожалуй, более солидно.

«Не зря говорят: молчание – золото!» – горько подумала Дубровская, осознавая, что первые допросы с ее участием не принесли защите никакого успеха.

Когда в зал судебного заседания вошла Марина Петренко, Дубровская наблюдала бурный всплеск мужского восхищения. Конвоиры, дремавшие в ходе процесса, мигом оживились и, воспринимая прекрасную незнакомку как часть сказочного сновидения, непонимающе озирались вокруг. Присутствующие мужчины начали перешептываться между со-

бой. Женщины, завистливо поглядывая на вошедшую, пытались отыскать хоть какой-нибудь изъян в ее внешности или одежде, чтобы, удовлетворив самолюбие, потерять к ней всякий интерес. Старый дедушка, народный заседатель, щуря подслеповатые глазки, пытался разобрать, настолько ли хороша жена подсудимого в реальности или же это опять подлый обман зрения. В его возрасте все молодые женщины казались красавицами, но это было просто небесное создание.

Гормональный фон в зале явно зашкаливал, но Марина, направляясь к свидетельскому месту, смотрела только на скамью подсудимых. Петренко тоже не сводил с нее глаз. Она была так же красива, как и в тот день, когда он ее увидел впервые...

Как-то раз, в промозглый сентябрьский день, Перевалов заскочил в спортивную школу, где Сергей проводил очередную тренировку.

– Собирайся! – потребовал он тоном, не терпящим возражений. – Принимай душ, хватай манатки, и поехали. У нас сегодня деловая встреча!

– Что-то насчет работы? – поинтересовался Сергей.

– Почти, – загадочно улыбнулся Альберт. – Мы с тобой идем на показ мод!

Петренко посмотрел на своего друга сочувственно, так смотрят обычно на неизлечимо больного.

– Слушай, если это опять твои штучки, на меня не рас-

считывай! У меня соревнования на носу, и мне совсем не хочется убивать время на пустую трескотню.

Сергей, конечно, был прав. Перевалов нещадно эксплуатировал безропотность своего товарища, привлекая его как неизменного участника своих любовных походов. «Не родись красивым, а имей страшенького друга» – перефразированная женская истина. Но красавец Альберт не пользовался своим внешним превосходством, он и без этого был уверен в собственных силах. Медлительный и неказистый Петренко был ему удобен в качестве пары для подружки, которую очередная его пассия неизбежно притаскивала с собой на свидание. Сергей, конечно, являлся, рассказывал дежурный анекдот, вяло поддерживал беседу. Однако, как только его товарищ переходил от конфетно-букетной стадии к более близким отношениям, под любым предлогом отделялся от навязанной ему подруги. Вот и сегодня, не желая губить вечер в обществе тупоголовых моделей, он пытался найти вескую причину, чтобы отказать Перевалову. Но приятель вел себя, по меньшей мере, странно. Он не говорил скабрёзности, а выглядел на редкость серьёзным и озабоченным.

– Я собираюсь жениться, – заявил он.

– Вот как! – удивился Петренко. – И кто же эта фея?

– Увидишь, – многообещающе улыбнулся Альберт. – Но ты смотри, не брякни чего-нибудь. Она еще не знает, что скоро станет моей женой.

Если Петренко и был изумлен, то не подал вида. Он знал, как старательно избегал его друг щекотливую тему брака. «Прости, дорогая! – говорил он очередной пассии. – Я бы не задумываясь женился на тебе, но обстоятельства против нас». Далее обычно следовал рассказ о какой-нибудь трагедии, семейной драме и прочей ерунде, которую находчивый Перевалов с ловкостью фокусника сочинял прямо на ходу. «Женитьба – это не для меня, – посмеиваясь, говорил он в кругу друзей. – Как говорил старина Мигель (был такой испанский писатель Унамуно): жениться совсем не трудно, трудно быть женатым!»

В общем, Сергею в тот раз только оставалось гадать, каким таким образом встали на небе звезды, чтобы неисправимому донжуану, коим был его близкий друг Альберт Перевалов, вдруг захотелось добровольно потерять свободу.

Объяснение не заставило себя ждать. Увидев впервые Марину, Петренко испытал нечто похожее на столбняк. Девушка шествовала по подиуму как богиня, сошедшая с небес только для того, чтобы показать простым смертным, как выглядит совершенство.

– Она, между прочим, победительница конкурса красоты этого года, – шепнул другу на ухо Перевалов. – После показа мы встречаемся с ней в кафе. Она будет с подругой. Та тоже ничего, смазливенькая.

Но Петренко плохо понимал смысл слов. Он как замороженный следил за Мариной. Впервые за весь период его зна-

комства с Переваловым у Сергея шевельнулось в душе что-то вроде недовольства или, может, горького сожаления. Кто разберет... Он понимал, что его красивый товарищ имеет все шансы понравиться Марине. Любой, кто взглянул бы на них со стороны, не мог не воскликнуть: «Какая красивая пара!» И был бы прав. Высокие, прекрасно сложенные, с выразительными молодыми лицами, они могли бы сниматься в рекламе здорового образа жизни, счастливой семьи и нового поколения великой России. Сам Петренко мог только завидовать чужому счастью. Впрочем, если все пойдет так, как задумал его товарищ, его запросто могут удостоить чести быть свидетелем на свадьбе и крестным для первенца. Сергей скрипнул зубами. Сегодняшним вечером он может начать репетировать роль друга будущего семейства. Кстати, его вниманию будет предложена подружка невесты. Перевалов уже оценил ее на пятерку с минусом, а этого для Петренко больше чем достаточно.

Подруга и впрямь оказалась недурна (впрочем, какой еще должна быть профессиональная модель?). Звали ее, как и отечественный автомобиль, – Лада. Но вопреки этому обстоятельству девушка к числу патриоток явно не относилась. Демонстрируя неприязнь ко всему российскому, Лада употребляла довольно странный сленг. В ее речи причудливо переплетались английские слова, названия известных фирм и громкие имена. Петренко в этом винегрете копать не желал, поскольку всецело был поглощен прекрасной спутницей

Перевалова. К его удивлению, Марина начисто была лишена снобизма, а в общении оказалась очень милой и застенчивой девушкой. Она мало ела, мало говорила, но ее невероятно синие глаза излучали такой свет, что бедному Сергею хотелось зажмуриться, чтобы не ставить себя в глупое положение. Он и так, позабыв об элементарных приличиях, просто поедал Марину глазами.

– А вам нравится Армани? – как с другой планеты донесся до него голос Лады.

– А? Что? – спохватился он. – Армяне?

Все рассмеялись, а он густо покраснел, понимая, что сморозил глупость.

– Вы почти не говорите, – заметила Марина. – Вы всегда такой загадочный?

– Нет, – честно признался он. – Обычно я скучный. Сегодня мне не по себе. Я никогда не видел такой красивой женщины, как вы!

Последняя фраза вырвалась у него сама собой. Он даже испугался собственной вольности. Перевалов с беспокойством взглянул на приятеля. Конечно, он был далек от того, чтобы ревновать понравившуюся ему девушку к своему товарищу, но на всякий случай решил перевести все в шутку. К его удивлению, веселье разделила с ним только Лада. Марина молчала и пристально рассматривала Петренко.

– А вы милый, – наконец сказала она.

От этих слов у Сергея чуть не поехала крыша. Петренко,

плохо осознавая смысл своих поступков, вдруг встал:

– Спасибо за приятный вечер. Мне пора.

Он обращался только к Марине, откровенно игнорируя недоуменные взгляды Лады и недовольство Перевалова. Приятель догнал его на крыльце.

– Слушай, у тебя все в порядке?

– Вполне.

– Ты как-то странно вел себя. По-моему, ты был чересчур разговорчив. И куда это ты, скажи на милость, собрался?

– Домой.

– А что мне прикажешь с ними делать?

– Что и всегда, – бесцветным тоном произнес Сергей.

Он не хотел себе признаваться в том, что страшится неизбежных последствий этого вечера. Перевалов проведет с ней ночь, а потом, сообщая, между прочим, пикантные подробности встречи, выставит ей балл по своей придуманной шкале. И воздушная мечта разлетится вдребезги! Не будет больше королевы. На ее месте окажется обыкновенная самка с обычными физиологическими потребностями молодого здорового организма.

Но ничего такого не произошло. Альберт явился не поздно и заявил с порога:

– Ничего не было! Представляешь, я впервые разговаривал с девушкой так долго и даже не посмел положить ей руку на колено!

Видно было, что он малость ошарашен. Но Перевалов не

привык так легко сдаваться. Он назначил новую встречу Марине, затем еще. О том, как развивались события, Петренко узнавал из его содержательных рассказов.

– Нет, ты не поверишь! – Альберт нервно мерил шагами комнату. – Сегодня я ее спросил, как она относится к браку.

– Ты сделал ей предложение?

Непонятно почему, но эта мысль чувствительно обожгла Сергея.

– Да нет же, – в сердцах бросил Перевалов. – Просто так спросил. И знаешь, что она мне ответила? «Замужество – это не для меня!» И что-то говорила про рок и про судьбу.

– А что тебя удивляет? Эти слова ты не раз говорил сам...

– Да, но я – мужчина! – горячился Альберт. – Но чтобы так говорила женщина... Непонятно!

Шло время. Вялотекущий роман Перевалова не спешил превращаться в большую и светлую обоюдную любовь. Альберт нервничал, но не оставлял мысли покорить несговорчивую Марину. Он пересказывал Петренко малейшие детали своих встреч, просил совета, долго и нудно жаловался на невезение. Сергей, обычно исправно выполнявший роль жилетки, в этой ситуации почему-то проявлял нетерпимость. Впрочем, занятому своими проблемами Перевалову было некогда разгадывать ребусы в поведении своего товарища.

Случилось так, что богатый папенька Перевалова решил взять сына в одну из деловых поездок. Альберт малость покочевряжился, но решил отцу не отказывать, поскольку

в приятной перспективе маячило приобретение новенького автомобиля. Прощаясь, Перевалов обратился к Петренко с просьбой:

– Слушай, старик. Я тебя попрошу об одной безделице. Будь любезен, встретиться с Мариной.

– Это еще зачем? – изумился Сергей.

– Ну понимаешь... Поговори с ней обо мне. По-дружески так. Ненавязчиво. Намекни, как я серьезно к ней отношусь. Скажи, что я парень надежный, порядочный, обеспеченный. Ну что я тебя учу!

– Не знаю, – пожал плечами Петренко. – Думаешь, это поможет?

– Лишним не будет. Это точно! Ты с виду такой простой, вызываешь доверие. Что тебе стоит!

Петренко молчал недолго, затем поднял голову и внезапно спросил:

– Слушай, а ты ее ко мне не ревнуешь?

– К тебе?! – Перевалов глупо хихикнул. Однако вовремя взял себя в руки и серьезно ответил: – Но ты же мне как брат!

Перевалов уехал. Сергею была не по душе затея товарища, но он решил выполнить просьбу. Хотя бы формально. К его удивлению, Марина легко согласилась на встречу. Выслушав несвязное бормотание Петренко о душевных качествах его друга, она вдруг сказала:

– Извини за прямоту, но сваха из тебя никудышная. Ты ведь не это мне хотел сказать?

Остаток встречи прошел для Сергея как в тумане. Он что-то говорил, она что-то отвечала. Разговор для него не имел никакого смысла. Он чувствовал себя беспомощным мальчиком, который тонет. Безнадежно тонет в синих, широко распахнутых миру глазах. Лишь только одна занудная мысль, барахтаясь в пучине, никак не желала уходить на дно. Как он все объяснит Перевалову?

Когда Альберт нарисовался перед ясными глазами Петренко, картина стоила того, чтобы на нее посмотреть. Разодетый в джинсу и кожу, раскованный и отдохнувший, он вертел на пальце брелок с ключами от новенькой иномарки.

– Рассказывай, что нового? Как Марина?

Пауза показалась Петренко вечностью. Но неприятного разговора было не избежать.

– Марина в порядке... Мы решили пожениться.

Когда Перевалов понял, что он не оглох и не ослеп и что это даже не блеф размечтавшегося Петренко, он долго размышлял. Первыми его порывами были, конечно, ярость, ненависть и месть. Они могли бы превратиться в заклятых врагов. К счастью, Альберт был ужасно самолюбив. Сделав вид, что «не больно и хотелось», он вызвал Петренко на откровенный разговор.

– Один-один, Серый. Это, я понимаю, месть за былые обиды?

– Нет, – честно признался Петренко. – Это любовь.

Перевалов внимательно рассматривал своего друга, слов-

но видел его в первый раз. Наконец расхохотался:

– Ну ты, блин, Щелкунчик, даешь!

У Петренко отлегло от сердца. Проблема решилась просто.

– Я на тебя не в обиде. Значит, это твоя судьба. Я же женоюсь на деньгах. Кстати, моя избранница очень мила. Ты увидишь.

Марина, узнав от Сергея содержание его разговора с Переваловым, была рада.

– Значит, у вас все нормально? Вот и славненько! Честно сказать, я очень переживала, что из-за меня у вас могут возникнуть проблемы. Но если их нет, пора подумать о свадьбе!

Все было настолько неправдоподобно хорошо, что Петренко отказывался верить. Он ожидал подвоха.

– Марина! Я хочу знать...

– Что, милый?

– Я не милый, я – Щелкунчик! Вот как меня называл Альберт. И он прав! Скажи честно, что ты во мне нашла?

– Понимаешь... – Марина замялась. – Знаешь, мы в детстве любили устраивать всякие розыгрыши. Берешь яркий фантик, сворачиваешь его в форме конфеты и даришь кому-нибудь простаку. Тот радуется, раскрывает ее, а внутри – пустота. Так и Альберт – яркая упаковка, фантик, розыгрыш! А ты... Ты – настоящий! Кроме того, я люблю тебя, Щелкунчик!

Так, с легкой руки Перевалова, к Сергею прилипло это

сказочное прозвище. Но Петренко не обижался. Он считал себя счастливейшим из смертных и совсем не комплексовал по поводу своей неблестящей внешности. Ему, как и деревянному персонажу из сказки, здорово повезло. Его беспокоило только одно. Все счастливые сказки заканчивались одинаково. Зло наказывалось, добро побеждало, влюбленные соединялись, чтобы быть вместе навек! Но жизнь – не сказка. Жизнь требует продолжения. И каким будет оно, это продолжение, было не ведомо никому. В том числе и Сергею Петренко...

– Сергей – замечательный! Любящий муж. Отличный семьянин. К сожалению, мы не успели завести ребенка. Но, думаю, у нас все впереди...

У Петренко глухо заняло сердце. Марина, такая близкая и вместе с тем страшно далекая, стояла на свидетельском месте. Она так блестяще охарактеризовала своего супруга, что дополнительных вопросов у присутствующих почти не возникло. Кроме одного. Его и озвучил старый народный заседатель. Щурясь, как на ярком солнце, он надел сначала одни очки, затем вторые. Потом снял и те и другие, засунул их в футляр.

– Скажите, свидетельница, – голос его дребезжал как расстроенный патефон, – вы это... действительно того... любите подсудимого?

Вопрос был настолько бестактным, что молоденькая сек-

ретарь, ведущая протокол, прыснула в кулачок, а Фрик недоуменно воззрилась на дедушку, не зная, как реагировать на старческие заскоки. Марина ничуть не смутилась.

– Люблю! – сказала она. В ее голосе слышался вызов.

– Еще вопросы? – поспешила судья.

– У меня, ваша честь! – вылезла Елизавета. – Вы любите собак?

– Господи, да вы сговорились, что ли! – в сердцах обронила Фрик. – Любит ли она подсудимого, любит ли собак...

– Ваша честь, мои вопросы – не праздное любопытство. Вещественными доказательствами по делу является собачья шерсть, обнаруженная на оружии и в машине...

– Ну хорошо, хорошо. Продолжайте! Только давайте поближе к делу, а то любит – не любит...

– Поставлю вопрос по-другому. Вы держите двух собак?

– Нет. Только одну. Боксера.

– А как же ротвейлер? В протоколе вашего допроса на следствии речь идет вроде бы о двух собаках.

– Возможно, это неточность. На самом деле, у нас с Сергеем был ротвейлер. Но он погиб от энтерита за два месяца до ареста. Мы были очень расстроены. А вторую собачку, боксера-девочку, мне подарил директор Серезинового агентства Полич. Это было уже после ареста. Он такой славный человек. Хотел помочь...

– Понятно. У меня нет вопросов.

– Может, я что-то не так сказала? – всполошилась Мари-

на. – Я не придавала значения. Две собаки, одна собака...

– Нет-нет. Все ясно.

– Вы удовлетворили свое любопытство, адвокат? – осведомилась судья. – Можно отпускать свидетеля?

– Конечно.

Марина вздохнула и заняла место в зале судебного заседания. Поближе к решетке.

В кабинет главного редактора газеты «Вечерний Урал» без стука вошла эффектная женщина. Несмотря на то, что ее годы, очевидно, уже давно перешагнули роковую для женщины сороковую отметку, выглядела она очень даже неплохо. Хрупкая, энергичная, ухоженная, она не была похожа на деловую женщину, скорее, на любимую жену преуспевающего мужчины. Со вкусом подобранная одежда и обувь, безусловно, из дорогих магазинов, умело нанесенная косметика и свежий маникюр – словом, все то, обладательница чего уже имеет право называться дамой.

– Вероника Алексеевна! – подскочил на месте тощий и бледный главный редактор. – Какими судьбами?

Вероника Дубровская грациозно опустилась в кресло и выдержала достойную паузу. Затем вытащила из сумочки свернутый номер «Вечернего Урала» и, ткнув в него изящным наманикюренным ноготком, произнесла:

– Ты давно знаешь нашу семью, Владислав. Скажи, есть ли у нас что-нибудь общее с беженцами с ближнего зарубежья?

– Э-э? – обалдел редактор. – Что общего?

– Да, да! Ты не ослышался, мой бывший друг. Я, по – тво-
ему, похожа на бомжа?

– Вероника Алексеевна! Вы выше всяких похвал. Я даже
не смею...

Дубровская извлекла из сумочки тонкую дамскую сигаре-
ту и выжидаяще уставилась на редактора. Мужчина так по-
рывисто бросился к ней с зажигалкой, что, споткнувшись,
чуть было не растянулся на полу.

– А дочь моя, Елизавета, она, позволь спросить, чем вам
не угодила?

– Лиза?! Замечательная девушка! Редкая красавица! –
тараторил главный редактор, не понимая, куда клонит его
утренняя посетительница.

– Если так считаете, то какого, извините, черта вы позво-
ляете печатать всякую чушь?

– А-а! – осенило Владислава Игоревича. – У вас претен-
зии к напечатанному? Сейчас разберемся. Какая рубрика?

– Криминальная хроника.

У редактора засвербило в носу. Так и есть! Опять эта
Виолетта. Поручая ей вести рубрику криминальной хрони-
ки, Владислав Игоревич заранее предчувствовал грядущие
неприятности. Милая девушка с романтичными кудряшка-
ми на голове в действительности оказалась особой вздорной
и напористой. На дух не перенося милицейские сводки, она
потребовала для себя рубрику «Светская жизнь, мода и ди-

зайн». Редактор только закатывал глаза и с пеной у рта доказывал бестолковой журналистке, что никакой светской жизни в их индустриально-вонючем мегаполисе просто быть не может. Перестрелки, разборки и прочие чудеса большого города происходили у них не в пример чаще, чем презентации, светские рауты и губернаторские приемы. Но когда стервоза притащила свой первый материал, у Владислава Игоревича голова пошла кругом. У него всерьез возникли опасения, не является ли его журналисточка внебрачной дочерью губернатора либо третьей женой известного преступного авторитета.

После этого обе стороны пошли на компромисс. Редактор позволил Виолетте по выходным печататься в рубрике «Светская жизнь», ну а Виолетта снизошла до криминальной хроники. Правда, все кто читал ее опусы, надолго впадали в состояние протрации. Вершиной ее творчества на ниве криминала стала заметка в газете, повествующая о том, как во время распития самогона на крыше граждане Ф. и К. поссорились, в результате чего Ф. засунул К. в анальное отверстие бутылку из-под вина. Сей прискорбный случай был лихо расписан Виолеттой. Она не пожалела времени и сил, описывая достоинства вина «Medok» от «Barton, Guestier», бутылка из-под которого была использована незадачливыми Ф. и К. На следующий день бедный редактор топтал ковер у областного прокурора, извиняясь и оправдываясь. Служитель закона усмотрел в этом творении Скороходовой «глум-

ление над моралью и светлой памятью ушедшего в мир иной К.».

Сейчас же Владислав Игоревич чувствовал себя бодрее, но решил прояснить ситуацию до конца.

– Верочка, – связался он по селектору с секретаршей. – Виолетту сюда. Живо!

Через несколько минут в кабинете материализовалось создание женского пола с волосами-кудряшками. Стрельнув глазами в сторону редактора и расфуфыренной дамы, оно произнесло:

– Что звали?

Владислав Игоревич, щелкнув пальцами, изобразил нечто подобное: «Вот, пожалуйста-с! Ваша жертва! Кушать подаю!»

Вероника Алексеевна вытащила из сумочки алый платок и, взмахнув им в воздухе, подобно фокуснику, покрыла им беспорядок на редакторском столе.

– Что скажете?

Виолетта вопросительно взглянула на редактора. Но шеф, наблюдая за чудачествами Дубровской, только пожал плечами.

– Ну, не знаю... Косынка какая-то, красная.

– Косынка! Да это же «Гуччи». 250 долларов – цена. А вы пишете – пионерский галстук!

Дубровская кинула редактору номер «Вечернего Урала», и Владислав Игоревич уткнулся в статью, помеченную жир-

ным восклицательным знаком.

– Черный низ – белый верх! Это же классика! Контрастные цвета, четкие силуэты, простые линии... Неувядающий деловой стиль, оживляющая нотка которого – алый шейный платок. Дань женственности, если хотите!

– А что вы от меня хотите? – удивилась Виолетта.

– Опровержения! Реабилитации! – воскликнула странная посетительница.

Главный редактор уже пробежал глазами газетную галиматью и теперь озабоченно хмурил брови. «Valentino», «Christian Dior»... Опять Скороходова взялась за старое.

– Вероника Алексеевна! Мне все понятно. Но позвольте все-таки внести ясность. Пострадавшая – ваша дочь. Поэтому мы в ближайшее время пригласим ее к нам и решим с ней все вопросы. Вы согласны?

– Хорошо, – милостиво согласилась Дубровская. – Надеюсь, вы понимаете всю опасность подобных опусов. Вы ставите под удар деловую репутацию моей дочери!

– Конечно, конечно, – поспешил заверить ее главный редактор. – Разберемся. Виновных накажем. Может, даже уволим!

Вероника Алексеевна удалилась с чувством выполненного долга. Виолетта осталась. Виновато опустив глаза, она нерешительно молвила:

– Станислав Игоревич! Насчет увольнения, это вы серьезно?

Шеф неожиданно рассмеялся:

– Что, испугалась? Это тебе урок! Я с тобой еще поговорю. Но увольнять не буду, не бойся. Это я так, для красного словца, сказал. Думаю, и без опровержения обойдемся. Конечно, был бы жив Герман Дубровский – вы бы так легко не отделались. Мощный был мужик! Власть имел, перспективы. А семья его... Дурь барская осталась, да что толку! Девчонку мы, конечно, пригласим. Разберешься с ней, как полагается. А ты – не промах! Надо отдать должное, акценты расставляешь правильно. Про Савицкую вон как здорово написала! Надеюсь, ей понравилось.

Виолетта, конечно, была рада, что все так легко разрешилось. Но ей было почему-то жаль яркую, но беспомощную в своем одиночестве Веронику Дубровскую.

В судебное заседание явился бывший охранник погибшего бизнесмена Коровин. Допрос начал представитель государственного обвинения.

– Ваше место работы?

– Объединение «Кокос», работаю охранником.

– Кто-либо из подсудимых вам знаком?

– Видел обоих. Это охранники из «Мухи».

– Имеются с ними дружеские, приятельские отношения?

– Нет, конечно.

– Скажите, что вам известно о событиях 27 августа 20... года.

- Мой бывший босс в компании знакомых отдыхал в ресторане «Кактус».
- Отмечали что-то конкретное?
- Нет. Рядовой ужин в собственном ресторане. Там у него произошел конфликт.
- С кем конкретно?
- С тем подсудимым, который сидит слева.
- Перевалов, встаньте! Это он?
- Да. Он сильно выпил, вышел в холл ресторана и начал нецензурно выражаться.
- Чем он был недоволен?
- Всем на свете. Боюсь, я не смогу здесь повторить его выражения. Тут вышел Макаров и, как хозяин заведения, попросил его удалиться.
- Перевалов послушался?
- Как бы не так! Мы вдвоем с еще одним охранником еле выволокли его на улицу.
- Он что-то говорил Макарову?
- Да. Он сказал, что обязательно его убьет.
- С вашей точки зрения, это была реальная угроза?
- Во всяком случае, на шутку не было похоже.
- У меня вопросов нет.
- У защитника Перевалова есть вопросы?
- Нет.
- У защитника Петренко?
- Да, ваша честь!

– Задавайте!

– Вас допрашивали сразу после убийства Макарова?

– Много раз.

– Когда вы сообщили об этом конфликте следователю?

– Я сейчас не вспомню.

– Вы рассказали об этом почти через полгода после первого допроса. Верно?

– Кажется, да.

– Почему же вы вспомнили это так поздно?

– Ну... Я все же вспомнил, а это главное.

– Получается, вы не придали этому обстоятельству особого значения. Не так ли?

– Я просто забыл. Но когда вспомнил, сразу же позвонил следователю. В деле есть мое заявление.

– Все же непонятно! Конфликт происходит за три дня до убийства, а вы не помните! Что это за провалы в памяти? Вы можете объяснить?

– Снимаю вопрос! Свидетель вам уже на него ответил, – вмешалась судья.

– Больше нет вопросов, ваша честь!

– Нет! Ну как вам это нравится? – возмущалась Елизавета. – Он не помнит!

Был обеденный перерыв. Кроме Дьякова, Полича, Марины и самой Дубровской в холле второго этажа никого не было.

– А почему вы придаете этому такое значение? – поинтересовалась Марина. – Забыл человек, потом вспомнил. Где тут криминал?

– Криминала в этом, положим, нет! Но сомнения в его искренности возникают обоснованно! Представляете, убили его шефа. Событие, само собой, не рядовое. Не каждый же день совершаются подобные вещи. Весь город на ушах. По телевидению в этот же вечер дают экстренный репортаж с места событий, называют фамилии задержанных. Во всем охранном бизнесе города это новость номер один. Об этом говорят, спорят, делают предположения не один месяц. А что же Коровин? Он полгода чешет репу, прежде чем сообщает правоохранительным органам о происшествии в «Кактусе»! А ведь теперь на этом конфликте обвинение строит мотив убийства. Мечь!

– А что, вы полагаете, был какой-то другой мотив преступления? – поинтересовался Полич.

– Я полагаю, что это типичное заказное убийство!

– Час от часу не легче! – вмешался Дьяков. – Моя прелесть, вы отдаете себе отчет в том, о чем толкуете? Мечь, во всяком случае, не относится к отягчающим признакам 105-й статьи УК. Это объяснимое человеческое качество. Вы что, добиваетесь, чтобы нашим подзащитным еще и пункт «з» вменили, совершенное по найму? Вы не в себе, моя красавица!

– По-моему, Елизавета Германовна, вы здесь на самом де-

ле не правы, – покосившись на Марину, сказал Полич. – Не надо усугублять положение наших друзей. Боюсь, что оно и без того серьезно.

У Марины задрожали губы.

– Простите! – она повернулась и зашагала по коридору. Плечи женщины вздрагивали. Полич кинулся за ней.

– Ох, молодо-зелено! – покачал головой Дьяков. – Во всем хорошо чувство меры, моя ласточка! Подумайте об этом на досуге!

Было уже четыре часа дня, время, когда каждый участник процесса начинает поминутно поглядывать на часы в предвкушении окончания трудного дня. Конвой торопится закончить все формальности до пяти часов: отправить подсудимых в следственный изолятор. Бабушка-заседатель нервничает: успеет ли она забрать внучку из детского сада. У дедули другая проблема: футбольный матч и домино во дворе. Благо, погода вон какая хорошая! Адвокат Дьяков разве что дырку на штанах не протер от нетерпения: пора бежать, его ждут еще другие клиенты. Чего там думает эта неисправимая трудоголичка Фрик?

Судья, наслаждаясь данной ей властью, изобразила нечто вроде добродушной улыбки. Все оживились. Прокурор положил бумаги в портфель и щелкнул замками. Савицкая тайком засунула ноги в туфли. Жмут невероятно. Ее соседка Каменецкая нащупала в сумочке помаду.

– На сегодня свидетелей больше не вызвано, – заявила Фрик. – Мы выполнили план работы. Но...

Она грозно взглянула на Дьякова, который уже принял низкий старт. Тот разом съежился и осел, как перестоявшее тесто.

– Но... Не будем терять времени. Обвинение, вы можете начинать исследовать ваши письменные доказательства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.